

Александра Соколова

Опять не могу без тебя

Александра Соколова

Опять не могу без тебя

«Автор»

2026

Соколова А.

Опять не могу без тебя / А. Соколова — «Автор», 2026

Пять лет назад Гилберт и Бруклин обещали себе, что сделают всё, чтобы исправить ошибки прошлого, и с тех пор работали не переставая. Гилберт с детства мечтал стать писателем, а стал кинозвездой. Бруклин, известная актриса, всю жизнь считает себя хуже других. Они встретились на съёмках, а потом не захотели расстаться. Оказалось, что в новом и непонятном мире легче привыкать к переменам, когда у тебя есть друг. А другом может стать кто угодно. Партнёр, которому доверяешь. Любимое дело, приносящее успехи. Прежняя мечта, вновь обретшая крылья. Книга, которая обладает способностью делать жизни людей лучше. Но время идёт, и на дороге Бруклин и Гилберта появляются вопросы, которых раньше они избегали. Кто они - лучшие друзья или просто коллеги? Сколько продлится опасная, только им понятная игра, которую они согласились вести? Какую цену они готовы заплатить за свои секреты? И ждут ли хэппи-энда те, кто пишет счастливые книги?

© Соколова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. "Миллионы огней"	5
Глава 2. "Сердце в железе"	10
Глава 3. "Скажи, что я её люблю"	16
Глава 4. "Из всех причин"	21
Глава 5. "Кто был сильнее"	25
Глава 6 "Линии жизни". Часть 1	32
Глава 6 "Линии жизни". Часть 2	38
Глава 7. "Что сам себе ответил". Часть 1	44
Глава 7. "Что сам себе ответил". Часть 2	48
Глава 7. "Что сам себе ответил". Часть 3	51
Глава 8. "Увидимся скоро". Часть 1	55
Глава 8. "Увидимся скоро". Часть 2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александра Соколова

Опять не могу без тебя

Глава 1. "Миллионы огней"

У каждой истории есть три версии: ваша, чужая и истинная. Неизвестный автор

- Волнуешься?

- Да нет.

- Волнуешься! Будто я тебя не знаю.

- На себя посмотри. Ты столько раз переступила с ноги на ногу – люди сбегутся посмотреть, как ты танцуешь степ.

- Не страшно. Ты начнешь петь, и они сразу разбегутся.

Они нервно усмехнулись и машинально прижались друг к другу ближе. Не нужно было думать, чтобы продолжать притворяться. Но Гилберт был прав – сегодня играть на публику было не так просто, как обычно.

- Давай сосредоточимся, а то ведь у нас любовь, - Бруклин сделала глубокий вдох и вцепилась в его рубашку. – Надо срочно сказать что-то романтическое.

- Эмм... Мне приходит в голову только, как я рад, что скоро мы наконец пойдем ужинать. Я с утра ничего не ел.

Бруклин шутливо взъерошила ему волосы; со стороны выглядело, будто она гладит его по голове.

- Ты опять о еде, а вокруг такая ночь! Смотри, какая восхитительная ночь!

- О, эти романтические пейзажи, - забубнил Гилберт, подхватывая её экспромт. - Сейчас я поцелую твои волосы, и по твоему телу пробежит сладкий холодок наслаждения.

- Господи, какая безвкусица.

- Я глажу тебя по спине, и ты прижимаешься к моей груди, как к последнему пристанищу. Давай, ага. Повернись сюда и улыбайся, опуская счастливые взгляды, в которых сквозит сияющая гармония, испокон веков освещающая глаза влюблённой женщины.

- Гилберт, когда ты уже напишешь роман? Я скуплю тираж.

- Не сбивай меня с мысли, Брукс, я и сам собоюсь.

- Точно, извини. Значит, я вцепляюсь в твои волосы, стремясь утолить жажду...

- Обладания?

- Чего? Ой, так не бери, щекотно.

- Стремясь утолить жажду обладания. Так лучше звучит. Продолжай, продолжай скрести пальцами мою шею; я весь внимание.

- Ты смешишь меня; прекрати, я сейчас описаюсь.

- C'est romantique! Прижмись ко мне лбом и продолжай делать глубокий пилинг кожи своими ногтями... Слушай, в следующий раз подстриги их коротко - если ты опять вздумаешь так царапаться, я при всём честном народе буду убивать тебя долго и нежно.

Смеясь, они поцеловались, и Бруклин глубоко вздохнула, когда Гилберт обнял её тем же отретпетированным движением, что и сотни раз.

Была влажная, душистая майская ночь. Только что фильмы, где они играли, собрали на премьерах овации, неожиданные в первую очередь для них самих. Успех праздновали на веранде особняка, переделанного в элитный отель, и светящиеся гирлянды делали её похожим на остров. Где-то неподалеку бархатным шёпотом вздыхало море, и в его ропоте слышались чьи-то добрые надежды и полузабытая печаль.

Озябнув, Бруклин прижалась к Гилберту, и он привычно прислонился лбом к её плечу. Внутри легко было забыть о слежке, но стоило выбраться наружу, и сотни вспышек вновь ослепили их, заставляя ускорить слаженный шаг. Создавать видимость давно перестало быть для них лукавством. Торопливо пробираясь через привычный сверкающий обстрел, они крепко держались за руки, и каждый думал о своём.

Хлопнула дверь автомобиля, и Бруклин облегчённо выдохнула. Она не любила аэропорты. Было неуютно ощущать себя под прицелом в их шумной многолюдности, и она всегда радовалась, когда они с Гилбертом удачно преодолевали очередное расстояние и скрывались за тонированным стеклом.

Ещё чуть-чуть, и дома.

Бруклин и Гилберт никогда не отвечали прямо на вопрос, где они живут и вместе ли живут. По замыслу, надо было возводить глаза к небу и лукаво улыбаться; на деле же всегда получалось, что оба начинали говорить какую-то ерунду, неумело переводя тему. Пару лет назад, когда их первый совместный фильм неожиданно превратился из малобюджетного проекта в крупнейший успех мирового бокс-офиса, а обрушившаяся популярность стала секретом за секретом пожирать их личную жизнь, Бруклин с Гилбертом решили, что лучший способ управлять сплетней – это породить её. После первых закинутых приманок публика проглотила наживку вместе с удочкой, и с тех пор не только они сами, но всё их ближайшее окружение прозрачными намёками подпитывало иллюзию. Неважно было, что только что сценарий Гилберта заслужил особое упоминание жюри Каннского фестиваля, или что фильм с участием Бруклин получил номинацию на Пальмовую ветвь. Люди всё равно хотели знать в первую очередь, с кем они спят.

- Спать! Я клянусь, я отправлюсь спать прямо с порога, - проговорила Бруклин, с усилием поднимая тяжёлую голову. – Почему мне никто не говорил, что быть звездой кинофестиваля так утомительно? От всех этих вспышек у меня до сих пор в глазах рябит.

Гилберт повернулся, не сразу сфокусировав взгляд.

- В глазах у тебя рябит от передоза клубной светомузыки, - не согласился он, и, присмотревшись, она увидела в его глазах отражение собственной усталости, умноженное раз в десять. – Ума не приложу, как ты на ногах стоишь ещё. Можно подумать, тебе пятнадцать лет и тебя в первый раз отпустили в клуб.

- Так это же был Каннский клуб, - протянула Бруклин, провожая взглядом знакомый указатель. До дома оставалось совсем немного. – Каннский фестиваль. Такой опыт бывает один раз в жизни!

- И что? Злачные места в остальных городах, которым ты выставляла высокие оценки, точно ничем не отличаются. Ночные клубы всего мира ужасно похожи друг на друга.

- Всё из-за того, что ты такой редкостный зануда, - вздохнула она, не желая говорить, что отчасти согласна с ним. Мировой кинофестиваль и успех – один из лучших предлогов позволить себе веселье, которое чаще всего приходилось жёстко ограничивать. Почему ей так важны были места, создающие иллюзии беззаботности, она и сама уже не помнила – но каждый раз, когда они попадали в новый город, они с командой и Гилбертом обязательно делали злачную вылазку. За эту неделю спать и так почти не пришлось, и она снова переживала, что только напрасно потратила силы и время. – Злишься, потому что тебе не дали почитать в ночном клубе очередную книжку!

- Совершенно верно, - абсолютно серьёзно подтвердил Гилберт. – Что уж тут говорить о писать.

Чиркнув молнией рюкзака, он снова проверил, на месте ли компьютер. Каждый по-разному боролся с тревожностью. Бруклин дёргала ногой или грызла ногти – Гилберт проверял, не потерял ли он ноутбук. Компьютер был его святая святых; единственный раз, когда Бруклин

видела его потерявшим душевное равновесие, был тогда, когда жёсткий диск отказался воспроизводить сохранённый накануне страшно ценный файл.

- Надеюсь, ты посвятишь свой роман мне, - хмыкнула Бруклин, собираясь на сиденье. Машина затормозила перед первыми воротами, и она с радостью увидела за забором знакомые пальмы. – «Для Бруклин, которая все пять лет только и делала, что отвлекала меня от нетленки и таскала по ночным клубам».

- Ты дошутишься, я реально так сделаю. «Для Бруклин, которая считает прожитым зря любой день, когда она не посчитает себя виноватой во всём на свете».

- Ну а что, скажешь, ты не жалуешься, что всё время отвлекаешься на что угодно, кроме своего романа?

- Поверь мне, я занимался этим задолго до нашего знакомства.

Посмеявшись, они опустили окна в машине, чтобы окончательно почувствовать, что приехали.

На их языке - а у них давно уже был свой язык, шифрующий личные шутки - их обиталище называлось "бункер". Весь мир должен был пребывать в уверенности, что они приобретают любовное гнездышко. На деле за высоким охраняемым забором расположилось целое мини-поселение, где они, их гости и ограниченный ряд доверенных лиц могли прекрасно существовать бок о бок и при этом порой неделями не видеть друг друга.

Когда у Гилберта было хорошее настроение, он заявлял, что купит себе детский паровозик, проложит по территории рельсы и будет приезжать к ней в гости по железной дороге, соединяя остановку "Мост Бруклин" с остановкой "Лондонский Тауэр". Шутка возникла неспроста: фамилия Гилберта была Тауэр и сразу указывала, что такой джентльмен мог быть родом только из Лондона. Полное имя Бруклин же могло указывать только на то, что её родители считали выбор имени дочери крайне удачной шуткой.

- Госпожа Бридж, добро пожаловать в родовое поместье, - пошутил Гилберт, преодолевая огромный зев. Бруклин каждый раз боялась, что он проглотит свой кулак, так широко он умел зевать, когда ему не хватало сна – а сна ему всегда не хватало. Когда они въехали в ворота, напряжение слегка спало. Марш-броски по городу и аэропорту давались нелегко, тем более сейчас, когда после фестиваля и самолета хотелось скорее снять наконец все маски и разрешить себе быть собой. - В это прекрасное весеннее утро позвольте проводить вас по парадной лестнице в изысканную гостиную с гобеленами.

- Благодарю, Бэрримор, - шмыгнула носом Бруклин, застегивая расстегнувшийся карман его куртки. У него в карманах всегда была куча страшно важных бумажек, смятых в один беспорядочный ком; потеря какого-нибудь клочка была равносильна апокалипсису. - Мы славно поработали.

- Точно, теперь можно и... отдыхать, - он на секунду задумался и сосредоточенно поморгал, и его рука инстинктивно легла на рюкзак, где был компьютер. Всегда, когда между съёмками и работой намечался пробел, Гилберт весь отдавался своему компьютеру. Она собиралась отдыхать и всячески себя тешить; он будет работать каждый день их короткой передышки. - У меня такое впечатление, что этих недель я ждал бесконечно долго.

- Ты хотя бы спи иногда, а то потом снова будешь страдать от нон-стопа. Не хочу больше видеть, как ты валишься с ног на каких-нибудь ночных съёмках.

- Хорошо, мамочка, больше не увидишь. Я и сниматься-то больше не буду с тобой, не забывай. Лавочка прикрыта.

Это было правдой - после стольких лет постоянной работы вместе странно было сознавать, что скоро рабочие обязательства вовсе не будут их связывать.

Целоваться на прощание им было не нужно - вокруг никого не было, кроме проверенного годами водителя. Снова зевая, Гилберт коротко и легко пожал Бруклин руку.

Зевота у него была ужасно заразительная.

- Хочешь, приходи к нам на ужин сегодня? Тебе полезно будет прогуляться. Хотя поешь нормально. И проветришь свой литературный мозг.

Раздумывая, Гилберт смешно вытянул губы трубочкой.

- До тебя далеко идти, - пошутил он капризно.

- Через пару часов приедет Бобби, так что я все равно тебя вызову. Он же наверняка соскучился по тебе гораздо больше, чем по мне.

- Да, это аргумент. Ты-то мне на фиг не нужна, а его я увижу с удовольствием, - кивнул Гилберт с улыбкой, открывая дверцу машины. - Ладно, валяй, вызывай меня вечером. Хотя постой, самое главное: а что у вас будет на ужин?

- Овсянка, сэр, - она легонько пнула его ногой, пока он вылезал - как всегда, неуклюже.

Они стояли у подъезда к его дому; её дом был ещё глубже, дальше от шоссе.

На их большой территории дома были небольшими, и Бруклин это нравилось. После детства, проведенного в материнском особняке с стеклянными залами для приёмов и двумя бильярдными в подвале, поймать чувство уюта в небольших комнатах было гораздо проще. Бруклин получала наслаждение от того, что всё здесь куплено на её деньги и может быть именно так, как она хочет. Только когда она стала жить самостоятельно, ей стало понятно, как бывает, когда никуда не хочется уходить из дома. Радоваться возвращению домой она тоже впервые начала только здесь – и с каждым разом заново наслаждалась этой радостью.

К её приезду в комнатах подняли ставни, и утреннее солнце мягко ложилось на тёплый пол. Суета и напряжение последних недель были отсечены автоматическими воротами, отгораживающими их бункер от внешнего мира. Наслаждаясь тем, что в кое-веки можно не спешить, Бруклин хозяйским взглядом оглядела комнаты, радуясь ощущению дома; лениво покопалась в привезённом чемодане, долго смывала дорожную истому под горячим душем и наконец растянулась на постели, с наслаждением зарывшись головой в душистые подушки.

Ничего не могло сравниться с тем, как после долгих путешествий спалось дома, в собственной спальне.

Ничего не могло сравниться с тем, как проснуться от торопливого топота маленьких ног, деловито простучавших от самой двери.

- Мама. Мама, ты спишь? Мама, мы приехали!

Матрас подпрыгнул, и, моментально вынырнув из сна, Бруклин порывисто прижала к себе налетевшего на неё с разбега худенького мальчишку в джинсовом комбинезоне.

- Бобби. Ну наконец-то. Слава Богу, все дома.

- Мама, а ты мне привезла французский подарок? А я каждый день зачеркивал дни, чтобы ты скорей приехала. Нэнни говорила, что я хорошо себя вёл.

- Хорошо себя вёл? Да я и не сомневалась, - вдыхая сладкий аромат ребёнка, Бруклин жадно ловила прикосновения тёплых торопливых ладоней. Прижимаясь к ней всем телом, Бобби радостно смотрел на неё яркими большими глазами – такими же зелёными, как у неё. – У меня целый чемодан для тебя. Расскажи, что ты делал, пока меня не было.

В дверях, по обыкновению укоризненно сложив руки, стояла Нэнни. Для Бруклин она была спасительницей, помощницей и главной воспитательницей – а теперь и воспитательницей её сына.

Нэнни улыбалась одновременно строго и ласково, наблюдая, как Бруклин и Бобби обнимаются и шумно возятся на постели, радуясь встрече.

С тем, что ждало её дома, не могла сравниться ни одна выдумка на свете.

Гилберт от всего сердца завидовал сказочному персонажу, которого ему пришлось играть пять фильмов подряд. Мужiku нереально повезло. Не потому, конечно, что он сказочный принц или что ему обломился чуть ли не самый счастливый финал в истории мировой литературы. Не потому, что он останется вечно молодым, что ему не надо беспокоиться о счетах за

медицинскую страховку или самочувствию пожилых родителей. Этот мужик мог не спать - он вообще никогда не спал. И тому факту, что ему не надо было тратить прорву времени на сон и на попытки его побороть, Гилберт завидовал чёрной, ненавидящей завистью.

Его жизнь была бы настолько проще, если бы он мог не спать.

Идиллически мирное утро по-хозяйски обосновалось в его жилище. Каждый раз приходилось заново привыкать и долго переходить от кочевого образа жизни к существованию нормального человека. После длительных рабочих поездок он напоминал себе черепаху, которую вытащили из панциря, а потом положили с ним рядом; дескать, заползай обратно, детка, не стесняйся, чувствуй себя как дома. За то, чтобы растянуться сейчас в мягком гамаке у бассейна и провести пару дней в праздности, ничего от себя не требуя, можно было продать душу. Гилберт злобно пнул чемодан с одеждой — он послушно поехал на своих колесиках и обиженно затормозил, врезавшись в стену - и бережно положил рядом с изголовьем компьютер.

Вот как тут было не спать, когда каждая ресница словно бы весила по килограмму. В этом мире даже собственный дом действовал против него. От каждой вещи сквозило сладкой ленью, сонной истомой; вот ты и дома, дружок; иди к нам, расслабься, отпусти себя в мир безделья. Посиди бездумно, любуясь танцующей на бассейне солнечной рябью; лениво пожмурься приятным мыслям; растай в мягком одеяльном тепле и хотя бы немного разреши себе не делить свою жизнь на долги и обязательства перед самим собой.

Властные снопы солнца радостно врывались в пустые комнаты. Сознательно не допуская спешки, Гилберт бродил по дому и до предела поднимал ставни. Сегодня день приезда, значит, начинать нужно с завтра, высчитывал он. На предстоящие дни можно составить чёткий план, и работать именно так, как он любит – не отвлекаясь на другие мысли, сложные задачи и дополнительные дела. Главное – не давать себе поблажек. Главное – не расслабляться и держать хватку.

И выспаться. Просто для того, чтобы продуктивно работать, хоть на четверть как-нибудь, но выспаться.

Зарываясь головой в душистую свежесть подушек, сложно было не благодарить судьбу за то, что иногда она дарила ему подобные моменты чистого, радостного покоя.

Гилберт с раннего детства знал, чего он хочет. Отчасти этим можно было гордиться. Сколько его приятелей и знакомых маялись неприкаянностью и с трудом нащупывали к тридцати годам дорожку, которая после многих проб и ошибок чудилась своей. Некоторые к этому времени успевали попробовать себя сразу в нескольких профессиях. Гилберт знал всё гораздо раньше и сознавал, что это редкое везение – точно знать, что ты хочешь. С одной стороны, это придавало уверенности – столько проблем и болезненных поисков он был лишён. А с другой стороны, это была ответственность. Ответственность нелёгкая и непростая – и даже не перед обществом, семьёй или кем-то там, а перед самим собой. Не так сложно было узнать, кто ты есть. Сложнее всего было доказать себе, что ты можешь быть тем, кем хочешь. Что ты достоин этого дела. Что ты готов работать на него, а не просто почивать на лаврах, кичась тем, что нашёл себя. Право быть собой настоящим тоже нужно было заслужить.

Гилберт очень надеялся, что когда-нибудь всё-таки его заслужит.

Он проснулся всего через пару часов; вздрогнул и испугался какой-то очередной картинки, выплывшей из подсознания. Спать дальше очень хотелось, и солнце по-прежнему заливало комнату жарким ленивым уютом. Он так давно мечтал, что наступит эта минута, а сейчас слипающиеся глаза не давали даже как следует насладиться ею. Понежившись ещё совсем немного, Гилберт собрался с мыслями и стянул к себе в постель ноутбук.

Никто ведь никогда не обещал, что будет легко.

Глава 2. "Сердце в железе"

«Когда меня режут – я терплю. Но когда меня дополняют – становится невыносимо». «Тот самый Мюнхгаузен»

В Голливуд Гилберта привела любовь.

Фраза была удачной и нравилась агентам и журналистам. Хотя сам Гилберт до сих пор заново вздрагивал каждый раз, когда приходилось читать эту формулировку.

Уж он-то знал, что и его вечная любовь, и новоприобретенная слава, и имидж – всё это не стоило ровным счётом ничего. Ничего, что могло бы хоть как-то заставить его поменять приоритеты, которые так и остались прежними с тех пор, когда ещё ничего не случилось.

Гилберт научился писать в четыре года. Старших сестёр собирали в школу, и ему тоже подарили блокнот и красивую ручку с узором Британского флага на колпачке – это были его первые сокровища. Мама уехала в больницу за новой сестрёнкой, и он сидел в кабинете отца и написал ей письмо. Получилась своеобразная сказка о том, как мама бродила по лесу и по очереди находила на деревьях всех своих четверых детей, преодолевая козни врагов вроде лесных гномов, змей и тракторов (Гилберт в детстве очень боялся тракторов, потому что путал их с танками). Он писал печатными буквами, с силой вжимая в бумагу свою красивую ручку. Пришлось истратить половину блокнота, пока история дошла до счастливого завершения; но удовлетворённое сознание, как много он написал, он запомнил на всю жизнь. Как запомнил на всю жизнь гордое чувство радости, когда мама с новой сестрёнкой вернулась домой и сказала, что ей очень понравилось его письмо, и она непременно сохранит его. Как не мог забыть и той обиды, которая охватила его, когда мама читала его письмо папе, и папа помирал со смеху.

В ту минуту он раз и навсегда понял чуть ли не самую главную вещь про себя самого. Он хотел стать писателем.

То есть, конечно, увлечений было море. Коллекционные динозавры, мультики, игровые приставки, игры с друзьями, кружок журналистики, группа любителей кино, театральная студия. Жить вообще было интересно, и он жил полно, жадно – потому что чем большими вещами он занимался, чем больше видел и знал, тем лучше мог написать об этом. А это было самое главное; всё остальное было увлечением, а тексты были основанием и объяснением для всего. Какой интерес, например, смотреть мультфильм, не придумывая альтернативного развития сюжета? Как можно, например, читать книгу, не примеряя на себя – сможешь ты написать так же, лучше, или играешь в другой лиге?

В школе он писал сочинения за всех своих друзей, и на важные контрольные образовывались очереди, которые организованно передавали ему свои варианты. Эти же друзья ненавидели ходить с ним в кино, потому что он всегда громко возмущался надуманными сюжетными поворотами и на ходу придумывал, как было бы лучше решить ту или иную сцену. Фильм сразу переставал нравиться, потому что его идеи часто были выигрышней, чем то, что показывали на экране.

Когда в десять лет из-за глупой ветрянки его не отпустили на каникулы в Диснейленд, он знал, чем может возместить свою обиду. По одной таская все десять больших тетрадок из стола старшей сестры, он писал сказочную повесть.

Когда в четырнадцать лет он впервые влюбился в девушку, а она стала встречаться с его лучшим другом, он знал, как пережить это разочарование. Начиная каждую главу с печальной элегии, он посвящал ей свой роман.

Когда в восемнадцать лет он окончил школу, переехал с приятелем в Лондон и вкусил по полной все прелести самостоятельной жизни, он знал, как окончательно не сорваться в пропасть кружащей голову молодости.

Он должен был накопить на колледж, чтобы стать писателем.

О своём колледже он мечтал давно. И не только мечтал, а уверенно наметил своей целью. К выбору Гилберт подошел основательно. Мама вообще говорила, что он обстоятельный мальчик, правда, слишком увлекающийся. Ещё в средней школе он подробно изучил все требования, программу и стоимость обучения, в старшей школе уже начал откладывать карманные деньги, а работу на год после школы выбирал так, чтобы скорее собрать требуемую сумму. Он знал, что нужно сделать, чтобы добиться цели, и продумал себе чёткую схему её достижения. Писатель – это книги, книги – это образование, образование – это колледж, внушали ему всю жизнь. В семье директора средней школы и учительницы младших классов образование ценилось едва ли не больше всего остального. Гилберту нужно было стать писателем, а писатель непременно должен быть образован; значит, колледж был ему необходим.

По крайней мере, поначалу он был в этом совершенно уверен.

Поэтому он поднимался по утрам и шёл на подработку поваром в школьной столовой; поэтому он работал барменом в пабе, где тусовались его друзья; поэтому он писал по заказу идиотские тексты из серии «лондонские семиклассники устроили в учительской задымление, объевшись капустой». Поэтому он продавал билеты, расклеивал афиши, таскал кофры и гладил костюмы в родной театральной студии, в которую с лёгкой материнской руки записался когда-то на волне той самой несчастной любви. Необходимый минимум финансов тратился на весьма несбалансированное питание, разнообразные напитки (от восьми градусов и выше), билеты в кино (в надежде найти фильм, где не нужно будет исправлять сценарий, Гилберт мог бегать в кинотеатр хоть семь раз в неделю) и на крысятник (так они с другом любя называли свою угловую квартиру с крохотными окнами, поэтично выходящими на морг при многопрофильной больнице). Он бегал с места на место, не досыпал, уставал, но знал, что гонка временная, а усилия оправданы. Это была эпоха осознанного веселья, и когда он знал, что сегодня заработал всё, что мог, он позволял себе развлекаться свободно и бездумно. Это была эпоха отложенного на неопределенное время счастливого «потом», мечтать и обсуждать которое было так приятно, приходя после рабочей смены к лениво встречающим рассвет приятелям. «Налейте работничку умственного фронта, мастеру фаст-фуда и креатива!» - кричал Стивен, его лучший друг и сосед по крысятнику – и Сэм, другой их одноклассник, живший поблизости, спешил вытащить из холодильника ещё пару запотевших бутылок пива. «Пей, Гилберт, - смеялись друзья и хлопали его по спине, - не дай засохнуть лучшему мозгу современной литературы».

И ему было хорошо. Он знал, что настоящее приятно, хоть и не всегда легко, и что всё ещё впереди; и это впереди у него, конечно, будет удачным.

А главное – что пусть сейчас и нет времени, но те тексты, которые приходят к нему по ночам и медленно, но непрерывно копят в тетрадах и памяти компьютера, непременно дождутся своего часа. Он поступит в колледж, получит необходимое для писателя образование – и его истории, которые возникали будто из ниоткуда, его герои, с каждым отвоёванным у гонки днём всё более живые, все его тексты, которые копились и клокотали внутри, наконец-то станут по праву главными в его жизни.

Это было его мечтой, его целью, его будущим. Он готовился к нему и радовался, что делает всё, чтобы добиться его. И даже то, что времени на творчество всегда не хватало, и то, что писать означало постоянно ограничивать себя, ставить себе условия и не давать расслабляться, тоже ощущалось радостью. Ничто не могло сравниться с тем, как, добравшись после долгих часов суетливых подработок до крысятника, он садился и читал текст, свой собственный текст, написанный накануне ценой бессонной ночи – *и этот текст ему нравился.*

Через год он накопил на колледж, дошел до цели, выполнил поставленную задачу.

Оставалось ждать, пока исполнится мечта.

Гилберт был готов во всеоружии встретить её исполнение. Весь мир лежал у него ног. Он был юн (хоть иногда и казался себе стариком в свои девятнадцать), образован (уже посетил две лекции), богат (от накоплений осталась чуть ли не сотня фунтов) и неотразим (сёстры

подарили каждая по набору дезодорант+крем для бритья; лучше для мужчины нет). Будущее представлялось не просто светлым, а просто-таки радужным. Он уже видел себя успешным студентом, благополучно сочетающим учёбу, работу и молодость, а через несколько - совсем немного - лет у него будет собственный кабинет, стеллажи, наполненные огромными томами с золотым тиснением, и сотни желторотых юнцов будут осаждать его порог, чтобы получить рекомендации и положить свою рукопись на стол его секретарши...

Хотя нет, зачем ему секретарша. Он сам будет читать все их рукописи - для него нет ничего проще, чем отличить хороший текст от плохого. Хорошие книги он будет читать в рабочее время, положив ноги на стол и с умным видом поправляя очки. Слабые тексты будет безжалостно редактировать, улучшать сотней своих блестящих идей и издавать в соавторстве. Все остальное время он будет сидеть и писать сам, не отвечая на звонки и стук в дверь. "Профессор Тауэр очень занят - он пишет книгу", - будут говорить о нём на кафедре. А разве иначе выглядит жизнь профессоров мировой литературы?

А потом время всё шло, и взрослая реальность оказалась на мечту совсем не похожей.

«Наша профессия поддается только тем, кто по-настоящему любит книги» - говорили на вводных лекциях по специальности, и Гилберт думал - «я на месте». Он читал так много, что поиски новых книг со временем стали для него постоянной нерешаемой задачей, а крысятник Стивен называл «филиалом городской библиотеки», потому что там, где был Гилберт, неизменно появлялись книги, запрятанные в самых неожиданных местах. Он читал всё, что попало на глаза, вёл собственные классификации книг и дневник, в котором годами записывал свои впечатления от прочитанного. «Вот готовый исследователь!» - сказал ему куратор, когда Гилберт рассказал об этом, и он подумал: «я на месте».

«Я на месте», думал Гилберт и вспоминал, как стремился попасть в эти стены, чтобы поскорее заняться своими текстами. «Я на месте», повторял он про себя так часто, что не сразу осознал, что ни разу так и не почувствовал ничего, кроме прежнего ожидания.

Все книги, входившие в обязательный список, Гилберт прочитал ещё в школе. Когда он предлагал рассмотреть другую книгу, приводил пример из произведения вне программы, пытался мыслить независимо от преподавателей – его возвращали на накатанные рельсы и говорили не изобретать велосипед. Всё интересное, что он узнавал, он находил в чём-то дополнительном или внепрограммном. Всё, что преподаватели с умным видом подолгу разжёвывали на занятиях, казалось ему совершенно очевидным.

Сначала он всё думал, что разочарование временно. С этим курсом не повезло. А может, надо попробовать ходить с параллельным потоком, к другому преподавателю, хотя и он тоже говорит сложными словами о простых вещах, а об интересном лишь упоминает вскользь. С тем предметом тоже как-то не ясно, но это вводный, надо подождать. Там - наоборот, всё понятно - идиот вдалбливает идиотам, как превращать других в идиотов. Это просто учебный план.

Вот сейчас пройдёт первый год, и дальше будет интересно, говорил себе Гилберт, снова с недоумением закрывая в конце лекции едва ли тронутую тетрадь. Вот сейчас закончатся общие курсы "в нагрузку", и пойдет, наконец, настоящее дело – то, ради которого он сюда поступал.

Он честно ждал – пока не понял, что может прождать так всю жизнь.

Он ошибся с колледжем. Ошибся со специальностью. Ошибся, кажется, даже с самым главным, что у него было.

Колледж не был необходим, чтобы стать писателем. Колледж давал образование, но применить его можно было совсем не там, куда Гилберт стремился. И отступать было некуда. Работа на будущее закончилась; теперь надо было работать на настоящее. Он ходил на пары, слушал профессоров, пытался заставить себя думать, как от него требовали, и искал что-то, что нашло бы в нём отклик – хотя бы отголосок прежней восторженности.

Но что-то ломалось в нём, когда он пытался воспринимать всерьёз все эти лекции, где почти всё, что говорилось, Гилберт давно уже прочёл и усвоил сам. И когда старался воспри-

нимать всерьёз людей, которые его окружали. Всех этих странных девочек, которые были либо слишком умными, либо слишком глупыми, либо вызывали странное ощущение, что кто-то из вас идиот; всех этих немногочисленных ребят, с которыми никогда не получалось найти общие темы для разговора или хотя бы посмеяться над какой-нибудь шуткой. Всех этих преподавателей, которые были так заняты тем, что хотели навязать другим свою точку зрения, что совершенно разучились слушать кого-то, кроме себя.

Что-то ломалось, и это что-то было серьёзным. Чем больше он заставлял себя погружаться в изучение теории чужих книг, тем меньше у него получалось писать свои.

С тех пор, как он поступил в колледж, он не смог закончить ни одного текста.

"Ненадежным рассказчиком называется приём в литературе"... записывал он прилежно, а потом рука срывалась, и вместо научных терминов пытался написать что-то ещё – но ничего не выходило. Только странные, неровные фразы, неумелые, как у трёхлетки. Иногда абзацы. Кусочки. Клочки. Он напоминал себе баллончик взбитых сливок, где сливок осталось только на доннышке. Не получался ни один текст, даже если он отменял все дела и сидел выходные напролет над чистой страницей. Создать хоть что-то стоящее не выходило. Гилберт заставлял себя, наказывал, лишал себя любимых удовольствий, подкупал, злился до красных пятен в глазах или на холодную голову пытался расставить все по местам и начать сначала.

Но ничего не получалось. Тексты не складывались. Герои больше не были живыми. Самые простые сюжеты разваливались, как песочные замки. С каждым днём ощущение собственного бессилия становилось всё крепче. Сначала Гилберт пытался оправдывать его, потом пришел в ужас, лихорадочно начал искать хоть какое-то средство, способ победить непонятно откуда взявшуюся немоту. Ничего так и не помогло. Колледж, на который он так рассчитывал, не мог помочь ему стать писателем. Стоило Гилберту начать учиться, он вообще не мог больше ничего писать.

Но бросить учёбу было нельзя. Отказаться от мечты означало бы поставить новую; пришлось бы искать новую профессию, зарабатывать на новую учёбу, а Гилберт не видел себя никем, кроме того, кем мечтал быть с детства. В колледже были книги – и они единственные держали его в рядах студентов. Даже тогда, когда он никак не соглашался смириться с тем, что имена на обложках всегда чужие.

По инерции он учился, продолжал работать, и по-прежнему жил в режиме нон-стопа – хоть выделять время для главного теперь было бесполезно и очень грустно. В школе вместо столовой он вёл теперь кружок любителей литературы, и ученики любили его, а он изо всех сил старался не быть похожим на своих преподавателей с факультета. В редакции ему всё чаще стали доверять писать обзорные статьи и большие авторские тексты – и почему-то их писать получалось, а его собственные, главные – нет. В большом литературном агентстве он подрабатывал курьером; и все эти несерьёзные работы почему-то нравились ему больше, чем пары, на которые он ходил. А больше всего ему нравился его театр. Он так и не ушёл из него, хотя много раз собирался. Так и ездил через полгорода, как когда-то в школе, и всё чаще ловил себя на мысли, как ему там нравится.

Да, он прекрасно отдавал себе отчёт, что из всех его увлечений именно это наиболее полно отдаёт абсурдом. С его неуклюжестью, неумением уделять должное внимание одежде и внешнему виду; с его органической любовью к справедливости и отсутствием всякой пробивной силы — ему не стать востребованным актёром. Но Гилберту нравилось играть в театре, нравилось работать в нём и даже просто проводить время. Он всей душой любил душный полумрак неосвещённого зала во время репетиций, нервную гонку генеральных прогонов; любил раздумывать над эмоциями своих персонажей и наблюдать, как меняются в гримёрных девочки, превращаясь из пацанят в джинсах в сказочных принцесс. Он вертелся в их театре, даже когда не было особой необходимости. Переживал свободные часы между работами, чтобы не ехать на перекладных в крысятник, прогуливал лекции, когда невмоготу становилось ждать,

когда же на них скажут хоть что-то интересное. По сравнению с колледжем в театре не было ощущения, что из тебя медленно выкачивают всё, что ты умел, чтобы заменить это тёмной концентрированной кислотой, ползущей вместе с кровью по венам. Его не пытались переделывать там — он был тем, кем был, неуклюжим, похмельным, хронически уставшим от бессонных ночей, разочарований и беготни с места на место. Но в театре, в отличие от текстов, у него получалось хоть что-то создать.

В колледже рассказывали что-то, о чём он уже знал — Гилберт набрасывал в тетради план сценария для новой постановки, чтобы обсудить его с режиссёром. В колледже вновь толкали сомнительные догмы под видом научных открытий — Гилберт придумывал новый этюд, высмеивающий самолюбование преподавателя и его неспособность выглянуть из собственных шор. В колледже снова пытались заставить его отказаться от мечты о творчестве, которую он лелеял — Гилберт собирал исписанные клочками абзацев тетради и молча уходил с семинара, чтобы помочь подготовить декорации на вечер. В театре он вообще брался за всё, что можно; режиссёр уже называл его «гном, который живет за сценой». Когда Гилберт обсуждал с ним, как можно перешить старые костюмы, или помогал на прогонах осветителем, или репетировал роль помидора в массовке детского спектакля — почему-то ему не казалось, что он бездарно теряет время.

А время бежало слишком быстро. Он оглянуться не успел, как прошло три года, а он ни на йоту не приблизился к тому, что хотел.

Когда вдруг — неожиданно и, как правило, очень редко — выдавалось свободное, ничем не занятое время, Гилберт старался проводить его дома, в их со Стивеном захламленном логове. С определенного момента Стивен то и дело приводил туда девушку; что искренне удивляло Гилберта, только одну. Давно потерявший счёт своим любовным победам Стивен неожиданно перестал видеть всех, кроме своей Эммы; на взгляд Гилберта, девушки не особенно примечательной. Однако в ней было что-то такое странно лёгкое, домашнее и уютное; когда она оставалась в крысятнике на ночь, не создавалось впечатления, что в доме ночует чужой. Гилберт давно уже относился к Эмме как к неперемennomу приложению к Стивену, и ему нравилось наблюдать за ними вдвоём. Смешные и одинаковые, они всё время хихикали над чем-то непонятным, и в этом была странная гармония, казавшаяся ему настоящей.

Крысятник часто стал напоминать ему об этой гармонии. Особенно в редкие дни, когда он попадал туда засветло, и свет можно было не зажигать даже в своей комнате. Можно было на чуть-чуть забыть, что живешь в вечной гонке, и твоя гонка по-прежнему ничего не принесит. Можно было понаблюдать, как ленивый луч вечернего солнца ползёт по стене напротив постели, понаслаждаться такими редкими минутами неторопливости, которые ценят только люди, живущие на бегу. Именно тогда в крысятнике ему приходили мысли о том, что когда-нибудь и у него тоже будет гармония. Смешливая, внутренняя и настоящая; как у Эммы со Стивеном. Когда он будет писать в своем кабинете, а его — девушка? Жена? Спутница? — неслышными шагами будет подходить и заглядывать через плечо в его рукопись, положив руки ему на плечи. Она будет его первым читателем, первым редактором и критиком, а он будет радоваться, когда ей будут нравиться его тексты. За ужином он будет делиться с нею новыми замыслами, а она будет внимательно слушать, рассказывая ему какие-то истории про своих подруг, которые он тоже возьмёт себе на вооружение; и почему-то ему будет интересно слушать её истории и просто так, без видимой пользы. А ещё они тоже будут такими же одинаковыми в глазах других, и такое же ощущение уюта будет охватывать его, когда она будет дома.

Где ещё было мечтать об этом, как не в крысятнике, когда писать что-то вменяемое опять не выходило, а за стенкой так забавно и одинаково смеялись и переговаривались о чём-то не замечающие никого на свете друзья.

Он любил крысятник, любил свою жизнь в нём, одновременно беззаботную и загруженную, с удовольствием проводил в нём время и каждый раз радовался, когда заканчивалась

смена, и можно было идти домой. Если бы не любовь, он, наверное, до сих пор так и жил бы в милом сердцу, заваленном мусором крысятнике.

Глава 3. "Скажи, что я её люблю"

«По буквам, по слогам Возьми мои слова И брось к её ногам». Песня

Любви Гилберт тогда не искал. Была охота время тратить. В двадцать лет все девчонки ведут себя как идиотки. Ходят группками, вечно хихикают за спиной, малюются, как индейцы, и хвастаются друг перед другом количеством парней, которым наставили рога. От той смешливой гармонии, которая представлялась ему, девчачьи представления о любви были далеки, как до Марса; не нужно ему было такого счастья. Когда хотелось, всегда находилась приятная компания у стойки бара или для похода в кино (пару своих подруг Гилберт смертельно обидел тем, что забыл, понимаешь ли, взять их за руку, потому что увлёкся фильмом). Несколько раз ему кто-то нравился; чаще всего, это ничем не заканчивалось, но количество новых подружек у старших сестёр никогда не иссякало, и он не чувствовал дефицита в общении с противоположным полом. Пообщаться в компании – это одно, но когда все друзья по очереди уходили из бара с новыми знакомыми, Гилберт предпочитал отправиться к себе и спать, оплакивая то, что снова не написал ни строчки.

А потом у него случилась любовь; беззаботная молодость кончилась вместе с нею.

Всё случилось в театре, как-то весной, когда все вокруг говорили о любви, а Гилберт кормил своего научного руководителя байками о том, почему он так и не начал курсовую работу, и в очередной раз убежал гладить костюмы вместо лекции.

В тот день главному режиссёру, невысокому лысеющему дяденьке с пронизательным взглядом и властным, как у всех режиссёров, голосом, окончательно надоело мириться с тем, что его основной актёр, исполняющий все роли главных героев, пропускает половину репетиций, сказываясь на мифические болезни.

- Хватит! - в бешенстве кричал он, стуча кулаками на пришедших, хотя и изрядно опоздавших актеров. - Мне не нужны люди, которые вечно ставят меня после всех остальных дел! Либо вы относитесь к делу серьёзно, либо вместо вас будут играть другие; незаменимых нет! И передайте красавчику, что может отправляться со своим похмельем прямо в задницу; я найду ему замену, потому что могу сделать актёра даже из кочерги! Кто вот там копошится за сценой, когда я разговариваю? Кто двигает там стулья с таким диким шумом; Гилберт? Иди сюда, Гилберт, теперь роль Ромео будешь играть ты.

Хихикая, Гилберт вразвалочку вышел на авансцену. Он ни секунды не сомневался, что всего лишь стал оружием в очередной душеспасительной проповеди главрежа. Внешне суровый, тот искренне болел душой за дело и за каждого из своих актёров, видел их всех насквозь и каждому пытался привить что-то, чего ему не хватало; да и приступы воспитательного настроения случались с ним нередко. С трудом поймав сценарий, который в сердцах швырнули ему прямо в руки, Гилберт произвольно открыл его на какой-то странице и, дурачась, начал изображать из себя Ромео. А потом поднял глаза на Джульетту, и дурачества кончились.

Взгляд его Джульетты пригвоздил его к полу. И хотя она, чуть старше него, на четырнадцатилетнюю юную Джульетту не тянула никак, Гилберт сразу почувствовал, насколько безнадежно сам не подходит на роль гибкого и грациозного Ромео. Заросший трёхдневной щетиной, громоздкий с недосыпу, пропахший маслом из школьной столовой, в которой с утра по старой памяти подменял приболевшего приятеля, он ощутил себя таким нелепым по сравнению с ней.

Он знал её. Она была примой и главной звездой их театральной студии. Все роли принцесс, красавиц, главных героинь всегда по умолчанию доставались ей – она была живым воплощением того идеала, о котором пишут стихи и слагают пьесы. Прекрасно сознавая свою красоту, она снималась в рекламных роликах и участвовала в показах мод; в их театре она появлялась только тогда, когда не была занята в других проектах, и всегда подчеркивала свою занятость. Иногда девочки в гримёрных радостно шептались, узнав, что у главной примы нари-

совалась новая реклама – это значило, что ведущая роль могла достаться кому-то из них. Но Гилберт ещё не играл с нею в спектаклях и узнал её не поэтому. Он сталкивался с нею на своём факультете, и они даже совпали как-то на нескольких курсах. Он видел в толпе студентов её идеальный силуэт, её роскошные волосы, спадавшие на горделиво расправленную спину, пару раз следил за её походкой, гипнотизирующей всех мужчин вокруг.

- О! А я тебя знаю! – возвестил он весело, протягивая руку, свободную от сценария. - Видел на лекциях. А что ты так смотришь строго?

- Не мог бы ты перестать вести себя, как ребёнок, - холодно отчеканила красавица, сдержанно отвечая на рукопожатие. – Оливия. Оливия Маркес.

- Вау, класс - Маркес, как Габриэль Гарсия?

- Оливия Маркес, - подчёркнуто медленно и без улыбки повторила она.

Больше он с нею не шутил.

Репетиция была долгой – Гилберт не рассчитывал на неё, так что даже пришлось позвонить на работу, предупредить, что задерживается. Режиссёр долго «сыгрывал» их, устраивая читку то одной, то другой сцены. С Оливией он прорабатывал каждую фразу, с Гилбертом – каждую третью, что только убедило его в том, что роль ему досталась только на время поиска основного актёра. Холодность партнёрши удивляла его. Они читали, и он то и дело украдкой разглядывал в пыльном свете прожекторов её профиль. Холодность казалась ему чрезмерной, наигранной. Его ело любопытство, из-за чего она старается произвести на всех такое отталкивающее впечатление. Играть с нею было интересно; Гилберт чувствовал, как почти без усилий может увести её за собой, и она легко поддавалась его манере. И это опять было странно – то, что с такой уверенной холодностью она была так ведома.

- Я жду вас завтра, ровно в восемь, - строго сказал режиссёр, и Гилберт принялся торопливо думать, как ему разрулить расписание ради этих временных репетиций. Оливия холодно кивнула им на прощанье, сердито стуча каблуками по пути к гримуборной.

Бывает, что ещё не заболев, иногда чувствуешь приближение болезни; угадываешь её близость и с тяжестью понимаешь, что болезни не избежать. Так и произошло с ним в тот вечер – как изматывающее недомогание, он предчувствовал свою любовь, ещё не обретшую чёткой формы. Стремясь успеть-таки хоть на одну из работ, Гилберт быстро шёл по коридору, когда заметил, что один из шнурков опять развязался. Оливия ждала кого-то на диванчике в холле, и он, наклонившись, совершенно случайно повернулся и, так и сидя на корточках, заметил её глаза.

Она склонялась над мобильным, низко опустив голову; волосы падали ей на лицо. Вся посадка её говорила о какой-то глубокой печали, и глаза – те прозрачные голубые глаза, которые только что впивались в собеседника холодом – сейчас смотрели так грустно, как будто оттаяли за эти несколько минут.

И Гилберт почувствовал, что болезнь близко; что он уже заразился, и избежать её уже не сможет.

Но он и не хотел избегать. На следующий день, неожиданно для себя, он бежал на репетицию, как школьник. Смотреть на Оливию и пытаться снова увидеть, как в её голубых глазах тает лёд, стало его главным стремлением и почти зависимостью. Репетиции шли каждый день, и когда начались первые прогоны на сцене, Гилберт уже знал, что влюблён навсегда.

Завоевать её стоило ему почти физического труда; никогда ещё он не чувствовал себя таким измотанным, как после их первых разговоров и репетиций. Оливия была строга и ни разу не изменила своей холодности, но он не позволял себе сдаться и ухаживал за ней с решимостью, как будто бросался в бой. Когда она впервые согласилась пойти с ним на свидание, Гилберт чувствовал себя полководцем, выигравшим решающую битву; когда они впервые стали близки, он чувствовал себя Творцом, создавшим новый мир.

Оливия была взрослой, строгой и очень серьёзной. Она прекрасно знала, чего хочет, и знала, как этого добиться. Она поставила себе цель иметь успех в модельном бизнесе и уверенно шла к ней, не оглядываясь и не задерживаясь. Она считала, что некоторые роли в театре достойны её внимания – и играла их, всегда будто милостиво соглашаясь на приглашения режиссёра. Она пришла к выводу, что общество Гилберта может быть ей приятно, и соглашалась проводить с ним время, принимая его ухаживания горделиво и в то же время благодарно. Правда, что она искала на факультете, он пока не разобрался. Ничего в Оливии не указывало на сильный интерес к истории или теории литературы, но что-то она явно считала для себя нужным, потому что иначе не ходила бы даже на те немногочисленные лекции, которые посещала.

Всё это думали или говорили ему другие; сам Гилберт тогда мало задумывался о толковании её характера. Он находил какое угодно оправдание её строгому тону, её наружной неприветливости. Он от всей души радовался её радостям, находил причины предпочесть их своим и оправдывал этот выбор. Впервые в жизни он был полностью уверен в том, что в его жизни всё правильно и прекрасно – он был влюблён в самую лучшую девушку в мире; всё, что он делал, было подчинено обожанию этой девушки. Он ловил каждое её слово, обожал каждую морщинку на её лице.

Общая работа, а потом и общий успех сплотили их, и Гилберт был рад. Спектакль имел признание, значительное для любительского коллектива, и то, как Оливия улыбалась ему, когда они кланялись зрителям, держась за руки, заставляло Гилберта парить, как никогда, потому что лёд в её глазах таял в эти минуты. С «Ромео и Джульеттой» был организован тур по школам города и окрестностей, они возили спектакль по театральным студиям, пару раз даже давали специальные показы для прессы. Оливия заключала новые контракты с агентствами, режиссёр позвал Гилберта на новые роли, и они получали за выступления гонорары, как настоящие артисты. То, что было раньше побочным занятием, на которое все пренебрежительно припоминали детские кружки и спрашивали, не пора ли бросить, неожиданно стало доминировать и понемногу вытеснило сначала учёбу, потом побегушки в литературном агентстве, стало угрожать статьям в редакции.

Помимо того, что за Оливией он пошел бы куда угодно, Гилберту нравилось играть на сцене. Нравилось раньше почти не знакомое ощущение, что он держит на себе спектакль; нравилась странная сила, которую он чувствовал, когда сидящие в зале люди начинали плакать или смеяться потому, что он так хотел. Нравилось грузить их поношенный реквизит в багажник и рядом с Оливией смотреть из окна микроавтобуса на однообразные пейзажи окраинных городков. Нравилось брать в свою и ласкать её руку, когда переезд попадался долгим, а больше всего – ощущение, что она отвечает на его нежность, пусть строго и сдержанно, но несомненно отвечает.

Впрочем, ему нравилось все, что было связано с нею. Нравилось, как она смеётся, когда ему наконец удавалось её рассмешить. Нравилась её строгие, продуманные фразы, когда она снова выговаривала ему за что-то, и он в очередной раз старался прислушаться к её замечаниям. Нравилось, как строго она относилась к еде, и что весь её рацион состоял из разделённых по времени сырых овощей и фруктов, которые она клевала, как птичка, и никогда не смешивала. Ему нравилось, как она рассказывала ему о чём-то, как иногда замирала, увлекшись чем-то в телевизоре; в её квартире телевизор работал всегда, и Гилберт сразу же смирился с этим, радостный от того, что мог быть с нею.

После «Ромео и Джульетты» они сделали ещё одну успешную постановку, потом Оливия заявила, что успешной карьеры в любительском коллективе не построишь, ушла из театра и отдалась модельной деятельности. Гилберт остался. Ещё после первых прогонов его взял под свое крыло какой-то агент, странный высокий человек в мешковатом костюме, который считал себя очень важным и то и дело звал Гилберта на какие-то кастинги. Временами он ходил на них и даже получил несколько ролей. Постепенно оставил почти все свои работы, потому что часов

в сутках не хватало, а роли были интересные. Со временем он увлёкся своим актёрством. Читал сценарии, находя в них страшные по своему мнению ошибки, продумывал роли. Если Оливия задерживалась, он любил сесть и написать какой-нибудь текст от лица своего персонажа, чтобы сродниться с ним. Это были те немногие тексты, которые у него по-прежнему получались.

Оливия была единственной, кому он признался, что сделал с ним колледж. Единственной, кому он доверил свою самую большую боль – буквально физическую боль от немоты, которая овладела им, стоило колледжу взять полную власть над его мозгом. Единственная, которая знала, сколько замыслов, текстов и набросков было у него до тех пор, пока он не попал в плен тех, кто должен был научить его писать, но с каждым днем все прочнее цементировал почву, на которой теперь не получалось ничего вырастить. Чем больше чужих слов, терминов и догм попадало в его голову, тем меньше получалось у него создать что-то своё. Это было почти так же мучительно, как в детстве, когда его увозили на каникулы к бабушке, и надо было прощаться с мамой на вокзале и махать ей рукой из поезда, который всё быстрее увозил от места, где она стояла. Гилберт помнил, как он старался всё дальше высунуться из окна, чтобы видеть её, как пытался подольше слышать её голос, которым она смеялась и говорила: «Пока! До встречи! Веди себя хорошо!» - но как он ни старался, всё равно наступал момент, когда увидеть уже было ничего нельзя, и её голос, как он ни ловил его, терялся в грохоте колес и свисте ветра. Так же сейчас, изворачиваясь и извиваясь, он пытался вызволить из себя хоть какой-то текст, хотя бы вспомнить намек на ту радужную лёгкость, с которой раньше они как будто сами по себе выходили из-под его пальцев; старался услышать тот голос, который раньше надиктовывал ему то, что так приятно было читать перед сном и мечтать, представляя себе переплет и обложку со своим именем. Но колледж сделал его немым; колледж отобрал у него способность вытягивать из небытия ту магию, из которой получались тексты; колледж, в который он так стремился, почти отобрал у него надежду, что когда-нибудь он сможет стать писателем.

Это был секрет, который он скрывал от всех, даже от самых близких друзей, от сестёр, от мамы. Он боялся его, мучился им, боролся против него и доверил только Оливии, потому что много раз силился написать что-то о ней, отчаивался, когда не получалось, и надеялся, что она простит его бездарную немощь. Он мечтал, что она поймет. Мечтал, что может быть, она поможет. Может быть, думал он, когда-нибудь именно она будет той, кто снимет с него проклятие немоты.

Теперь он почти что жил в её квартире – просторном современном дуплексе на северном берегу Темзы, который подарили ей родители на совершеннолетие. Кем были её родители, Гилберт так и не понял. Она редко говорила о них, а ещё реже говорила с ними, без всяких оговорок, однако, принимая их денежное содержание. С её родителями Гилберт несколько раз говорил по телефону, робея в основном не от их вполне дружелюбных интонаций, а от свирепых взглядов, которые Оливия бросала на него, стоило ему выдать от стеснения очередную глупость. Он с гордостью и нетерпением привёз её на воскресный обед в свою семью – но знакомство прошло неудачно, разговор за столом не клеился, и взаимное неприятие его родителей и его любимой было одним из его первых в той истории больших огорчений.

Свирепыми взглядами Оливия награждала его нередко – ей вообще мало что нравилось в окружающем мире, и Гилберт со временем привык к постоянному неодобрению. Каждую минуту он был готов к нему и тем острее радовался, когда вместо ожидаемой холодности вдруг получал её нежность. Потому что Оливия умела быть нежной с ним. Никогда при своих подругах, которым она в конце концов его представила, никогда при его друзьях, встреч с которыми она старалась избегать. Никогда на людях или когда он просил. Бывало, долгие недели Гилберт ждал, когда наконец она смягчится к нему, терпеливо переживая обычную изысканную строгость. И как-нибудь вечером она вдруг просила его приехать к ней и целый вечер ластилась, благодаря его за внимание, давая понять, что ценит, как многим он жертвует для неё.

У них было несколько идеальных, полностью счастливых дней, которые они проводили вдвоем в полной, почти ничем не нарушаемой гармонии; Оливия была с ним ласковой и терпеливой, и он терял голову от головокружительного счастья, такого долгожданного, что от него становилось больно. И после многих месяцев знакомства, он по-прежнему любил её; по-прежнему готов был идти на жертвы и ограничения, чтобы услышать её смех в ответ на свою шутку; по-прежнему преданно старался, чтобы лёд в её глазах растаял, и она посмотрела бы на него, как на равного себе дорогого друга.

Гилберт плохо помнил, как все заканчивалось - долго, в отличие от стремительного начала, и почти также трудно. Не помнил, когда случилась первая ссора; помнил только, как мучительно пытался потом понять, в чём был неправ перед нею. Не помнил, когда впервые почувствовал то, о чём предстояло узнать; помнил только, как раз за разом заставлял себя проглатывать явно надуманные объяснения. Не помнил, когда впервые осознал, что конец близок, и предпринял первую отчаянную попытку его отдалить.

Любовь его ощущалась как болезнь с самого начала, и чем больше проходило времени, тем чаще приходилось об этом вспоминать.

Глава 4. "Из всех причин"

«Дай хоть последней нежностью выстелить Твой уходящий шаг».

В. Маяковский

Мама всегда ругала Гилберта за то, что он слишком увлекался. Если коллекционировал наклейки, не успокаивался, пока не заполнял весь альбом до последней рамки. Если увлекался творчеством писателя, бросался читать не только его собрания сочинений, но и дневники, письма и черновые наброски, издаваемые для специалистов. Если ставил себе цель, то подчинял всю свою жизнь тому, чтобы её добиться.

Сейчас он расшибался в лепёшку, чтобы сохранить рядом с собой Оливию. Начал приходить домой только тогда, когда она говорила, что хочет его видеть. Соглашался на роли только тогда, когда знал, что его график будет совпадать с тем, что удобно ей. В конце концов сдался и даже стал есть то же, что и она – разрезанные на дольки овощи и фрукты. С первого дня знакомства она всё пыталась обратить его в свою пищевую веру, всё, что проходило термическую обработку, Оливия называла «мертвяком» и ела только то, что считалось «живым» по правилам палеолитического питания. Поначалу Гилберт со смехом отказывался становиться «травоядным», потом всё чаще старался соглашаться с ней, для сытости перехватывая хот-дог по дороге в её квартиру. После одной из первых ссор он пообещал ей попробовать и согласился питаться как она, соблазнившись на обещанный прилив сил и способность высыпаться за пару-тройку часов; ему уже тогда очень, очень сильно не хватало и сил, и сна.

Это были тяжёлые месяцы. Он был дёрганным, нервным и мнительным, снова предчувствуя, как болезнь, свою неизбежную потерю, и с нарастающим отчаянием хватаясь за то, что ещё не потерял. Перемежающиеся периоды её строгости и нежности изматывали его; сил на новой диете не прибавлялось, и чувство усталости стало непобедимым. Отголоски прежней гармонии, которую когда-то он чувствовал у них вдвоём, становились все реже и короче, и он уже не радовался им так головокружительно, как прежде. Наступала зима, и было постоянно холодно; он нигде не мог отдохнуть, нигде не мог быть спокойным, не мог даже выпить горячего, чтобы согреться.

Но у него снова была цель, и он согревался тем, что работает, чтобы достичь её. Когда-то летом, на пикнике, когда тепло грело солнце, а они держались за руки и делились друг с другом секретами, Оливия рассказала ему о том, как мечтает провести Рождество. Поделилась своей мечтой о Париже, о празднике в номере пятизвездочного отеля с видом на Эйфелеву башню. Чтобы завтракать вдвоём лучшими сортами винограда из Прованса и нежиться вместе на шелковых простынях в кровати с бархатным балдахином. Чтобы отправляться в неторопливые прогулки по зимним улицам, забраться пешком на Монмартр, гулять по его неровным лестницам и заказать портреты друг друга художникам перед большим собором. Отключить телефоны и не замечать никого, кроме Парижа, в котором они вдвоём. Гилберт помнил, как она рассказывала об этом – вдохновенно, радостно, с толикой грусти, как будто подобная поездка казалась ей невозможной. Помнил, как сильно ему захотелось исполнить её желание, как он расспрашивал её о деталях и смотрел в её глаза, в которых не было льда в тот день.

Это была простая цель: он свозит её в Париж на Рождество.

Он снова делал всё, чтобы решить поставленную задачу. Набрал заказов в редакции. Взялся за корректуру каких-то пустых текстов, которые пытался считать по ночам и в метро. Собрал все гонорары в театре – новая диета позволяла сэкономить на еде, и это впервые его порадовало. Впервые согласился на съёмки в фильме ради денег – и совершенно не принял во внимание просьбы матери о том, что на Рождество в этом году им особенно важно собраться вместе.

Лучший отель в Париже был забронирован, билеты куплены, и он приложил к подарочному пакету купленный по Интернету купон в супермаркет органических фруктов и букет мелких розовых роз, которые Оливия любила.

Он ждал её в вегетарианском кафе, где они сотни раз встречались, если Оливия не хотела, чтобы он приходил к ней домой. Повсюду мелькали и мигали рождественские украшения и гирлянды, и наконец-то пошёл снег. Снег считался хорошей приметой, и Гилберт предвкушал, как Оливия обрадуется его подарку; он ведь специально узнавал её планы, знал, что ничто не будет держать её в городе на праздники. Всю ночь он сидел за корректурой, оправдывая уже потраченный аванс; было ужасно холодно, и почему-то Оливия опаздывала, так что Гилберт уже начал волноваться, то выкладывая перед собой подарочный конверт с туристическим ваучером, то снова бережно пряча его в рюкзак.

Он задремал, прислонившись головой к стенке, а когда открыл глаза, Оливия уже пришла, и что-то уже было очень не так. Он понял это ещё до того, как успел сморгнуть с глаз непрощенную дремоту.

Торопливо и деловито она вошла и села перед ним за столик, и не снимала пальто, торопясь скорее уйти.

- Давай отменим все планы, потому что я уезжаю, - объявила она без предисловий, разматывая и кладя себе на колени шарф. – Сегодня вечером. Я не знаю, когда приеду. Прости.

Оторопев, Гилберт принялся невпопад задавать вопросы; Оливия отмахивалась и не отвечала. Твердила, что напишет ему или позвонит – она не в первый раз вот так скоропостижно уезжала на выходные, так почему сейчас это стало новостью. Не к месту и без контекста, в попытке последней надежды Гилберт протянул ей свой подарок – и, кажется, окаменел, когда вместо ожидаемой реакции услышал её звонкий, как перекатывающиеся льдинки, острый смех.

- Ты же не думал всерьёз, что мы проведем Рождество вместе, правда? – спросила Оливия насмешливо, а, увидев его лицо, закатила глаза и укоряюще цокнула языком, как окончательно разочарованная в ученике классная дама. – Нет, Гилберт, так не пойдёт. Давай ты уже перестанешь, а? Ещё немного, и ты надумаешь делать мне предложение или что-то в этом роде.

Снег шел крупными хлопьями, и всё окно справа от их столика было наполнено тенями летящих вниз пухлых, словно из ваты, снежинок.

- Да, только не спорь, - продолжила она, властным взмахом руки отменяя даже те попытки фраз, которые он мог выговорить. – Ты сам прекрасно бы видел, что у нас с тобой нет никакого будущего, если бы не был таким мечтательным неудачником. Неужели ты не понимаешь, что ты не тот, кто мне нужен, Гилберт? Мы мило проводили время, только и всего. А я достойна настоящего мужчины. Настоящего во всех смыслах. С настоящей работой, в которой он по-настоящему успешен. С настоящими целями, которых он по-настоящему добивается. А ты сам смотри: у тебя и профессии-то нет. Ты сыграл пару ролей где-то, но твердишь, что настоящим актёром стать не сможешь; ты ничего толком не написал и так и будешь всю жизнь ныть и убеждать всех, что ты писатель. Ты из тех неудачников, которые годами ходят в протёртых штанах и радуются, когда какой-то ещё юродивый поймет ту заумь, которую ты производишь в ущерб самому себе. Я не хочу в этом участвовать, Гилберт. Я не вижу никаких перспектив для нас вдвоём.

Гилберт сглотнул и, помнится, удивился, почему это ощутилось как самое большое усилие в мире.

- Но я люблю тебя больше жизни, - выговорил он наконец свой единственный аргумент.

- Да, за это тебе спасибо, - Оливия отвернулась. Посмотрела в окно; тени падающего снега делали изысканно прекрасным её хрупкое лицо. Гилберт почувствовал, что она перестала быть строгой, и хотел продолжить разговаривать, хотел сказать ей что-то очень важное, что вертелось на языке, и тянулся через стол, чтобы накрыть ладонями её руки, успокоить, попросить

не торопиться. Оливия руки отдергивала, убирала под стол, на колени. Схватила букет цветов, который лежал на столе, и спрятала лицо в розовых бутонах.

- Ты любишь кого-то ещё, - проговорил Гилберт, и это не было вопросом.

Льда в глазах Оливии не было, и от этого его боль казалась сильнее в тысячу раз.

- Давно, уже много лет, - кивнула она, и её слова больше не были похожи на выговор классной дамы. - Мы с ним не можем быть вместе. Никогда не сможем. Но это ничего не меняет. Так бывает, Гилберт, ты же поймёшь.

Гилберт чувствовал, как краски вокруг исчезают, и весь мир становится чёрно-белым.

- Он женат?

Она не ответила.

- Это друг твоего отца, о котором ты говорила мне? Ты уезжаешь с ним? Сегодня, потому что у него вдруг получилось?

Оливия подняла глаза, и, как в телевизоре, в них мелькнули и навсегда исчезли все его и её потерянные надежды.

- Тебе будет лучше без меня, - произнесла она, поднимаясь, и торопливо вышла на снег, пряча лицо в букет мелких розовых роз. Ваучер в рождественский Париж так и остался лежать перед ним на столе.

Гилберт плохо помнил, что было потом. Сколько-то дней совершенно выпали из его жизни. Как и полагается по сценарию дурного кино, он где-то пил, с кем-то дрался, куда-то всё время шёл, спотыкаясь о выбоины мостовых, все время мёрз и нигде мог согреться. Каждому соседу за стойкой бара он начинал выкладывать горестную историю своей любви и боли, обстоятельно, начиная по порядку, с завязки – но почему-то никто не слушал его, а ему всё казалось, что когда его хоть кто-нибудь дослушает, может быть, станет легче. Всё время он пытался объяснить себе, ради чего ему были даны эти несколько месяцев странного счастья, если они вели к такому фиаско, если то выстраданное, что было, совершенно не окупало нынешнего краха. В разговоре с очередным барменом он пришёл к выводу, что его ошибки начались ещё в первого дня знакомства, а может, и с первого дня его жизни, и решил наказать себя, просверлив себе руку дрелью, потому что раз он не может писать, ему не нужна рука; его вытолкнули на снежную улицу задолго до того, как он сумел внятно изложить свой замысел – правда, разбить кулаком барную стойку он, кажется, всё-таки успел.

Чётко в памяти осталось только то утро, когда он проснулся на полу в туалете крысятника, в луже собственной рвоты, ледяной воды и какой-то грязи, подумал, что сейчас, должно быть, умрёт от холода, и в итоге получится такой тривиальный, такой бездарный финал.

- Полегчало? Или ещё один душ устроить? – оглушительно прогремел над ухом вообще-то негромкий голос Стивена, который топал по кафелю своими ботинками, как стопудовый гигант. – А то ведь я могу и по старинке засунуть тебя в бочку на улице.

Прежде чем Гилберт успел сообразить, где он и кто этот человек, так бесцеремонно хватающий его за бессильное тело, как на него обрушился ещё один ушат ледяной воды. От холода он застонал и почти очнулся, попытался объяснить, что всё так, как надо, что он заслужил своей глупостью все эти наказания, но слова отказывались произноситься, преобразовываясь в негромкое мычание. Он помнил только, как было невыносимо холодно, когда его грубо подтаскивали к унитазу, в который он мучительно возвращал всё выпитое, и как терпеливо кто-то поддерживал ему голову, пока он пытался отдышаться.

В следующий раз он проснулся в своей постели, в угловой комнате с видом на морг многопрофильной больницы. Солнечные пятна тихо гуляли по привычным стенам. Всё прошедшее казалось мучительным, долгим сном.

Три года, пока он зарабатывал на колледж и пытался учиться, в его жизни всё было понятно. Он дружил с друзьями, интересовался интересным, старался отвоевать у взрослой жизни то, что ему нравилось. За те месяцы, которые он пробыл с Оливией, его жизнь измени-

лась почти до неузнаваемости. Он больше не работал в школе, где ученики приветствовали его, как друга. Больше почти не ходил на пары, без всякой печали отдалившись от академической дисциплины. Давно ушёл с побегушек в литературном агентстве и почти полностью уже перешёл на серьёзные, оплачиваемые по знакам с пробелами статьи – редакция была единственной из его прежних работ, которую он ещё не бросал. Он был занят в трёх регулярных театральных постановках, и у него был агент, отправлявший его на кастинги, а его портфолио на этих кастингах уже перестало выглядеть по-любительски крохотным. За этот год он прочитал всего несколько настоящих книг, хотя раньше исчислял их сотнями. И написал только сколько-то непонятных статей и множество никому не нужных, разрозненных клочков, которые давили ему на душу, как давила на горло непрерывная тошнота. Даже одежды из прошлой жизни у него почти не осталось: Оливия ревностно следила за тем, чтобы он привел в порядок свой гардероб. Он будто не был знаком с тем парнем, которым стал.

Свернувшись в клубок на продавленной постели, Гилберт чувствовал, что его ждёт холод; только бесконечный холод.

Поведясь на философию питания своей любимой, он уже несколько месяцев пил только особую холодную воду, насыщенную какими-то ионами. Когда перед его носом появилась огромная кружка дымящегося чая, она показалась ему амброзией, напитком богов, к которому он не достоин прикасаться.

- Я буду читать тебе вслух «Улисса» до тех пор, пока ты не выпьешь весь чай и не съешь все крекеры, - сообщил ему Стивен, небрежно помахивая огромным тёмно-синим изданием Джойса. – Так что если не хочешь узнать о приключениях Пенелопы, сейчас же соскребайся и пей до дна.

Стивен авторитарно стащил с него одеяла и выразительно показал на толстую книгу. Этот роман оба они считали совершенно нечитабельным и то и дело угрожали им друг другу, когда нужно было выносить мусор или мыть полы. Гилберту потребовалось время, чтобы собрать конечности и неуклюже сесть на подушках.

- Спасибо, что нашёл меня, - выговорил он, обнимая руками горячую чашку. Казалось, что больше ничего тёплого, кроме этого чая, в мире не существует.

- Сдурел, да? Тебя бы надо высечь за такое дело да поставить в угол; но что-то мне подсказывает, что ты и сам себя достаточно наказал.

Горячая жидкость обожгла горло; Гилберт почувствовал, что жив.

Глава 5. "Кто был сильнее"

Глава 5. «Кто был сильнее»

«Во времена пещерных людей наши предки собирались у костра по ночам.

Волки и хищники были совсем рядом.

Но кто-то один начинал рассказывать историю,

чтобы другим было менее страшно в темноте».

Максвелл Перкинс (цитата по фильму «Гений»)

Гилберт помнил, как раньше родители от души любили походы. Чуть выдавалось несколько выходных дней, как они празднично доставали из кладовки всю свою экипировку, радостно собирали огромные рюкзаки, созванивались с парочкой друзей, таких же походников, как и они, и отправлялись в очередной изматывающий маршрут с предвкушением, с каким другие едут на пляжный отдых. Это были любимые дни всей семьи – дни пасхальных каникул, летних выходных, когда где-нибудь в йоркширских холмах они шумной командой разбивали лагерь и несколько дней безвылазно проводили в своем импровизированном палаточном городке, старательно изолируясь от городских тревог.

В детстве Гилберт обожал эти вылазки. Дни вдали от города, с радостными, непривычно беззаботными родителями, с которыми так весело было играть в волейбол, купаться в ближайшей речке и петь под гитару вечером у костра, каждый раз казались маленькой моделью рая. Каждый раз, когда выходные подходили к концу и надо было собирать лагерь, Гилберт переживал, как последний. Он же знал, что когда-нибудь это действительно будет в последний раз, и вместо того, чтобы ждать следующей поездки, останется только вспоминать прошедшие.

Особенно он не любил видеть, как отец собирает палатку. Строить её было крайне интересно. Им с сёстрами всегда нравилось, как из двух свёртков с непонятными палочками и большой тряпкой, как по волшебству, по отцовскому хотению возникал целый дом с дверью, окнами и крышей. А вот за сбором палатки никто не наблюдал. Гилберт помнил тянущую боль сожаления, которая охватывала каждый раз, когда он видел, как отец вытаскивает колышки, удаляет поддерживающие рейки – и, лишённая опоры, палатка бессильно обрушивается на землю, мигом превращаясь из уютного домика в бесформенную, ненужную грудку ткани.

Почему сейчас он так часто вспоминал об этом, бессильно валяясь в крысятнике и не в силах подняться даже утолить непрерывную жажду, сжигавшую горло? Потому что он чувствовал себя именно такой палаткой; ненужной тряпкой, которую лишили опоры; бесхребетной массой, бесформенно обрушивающейся вниз.

Жмурясь от головной боли, Гилберт пытался вспомнить, что было его опорой все эти годы; пробовал заново нащупать реечки, за которые держался. За этот год он полностью сменил свой круг общения, фактически забросил всё, чем занимался раньше. У него были друзья, с которыми можно было быть настоящим – но за последний год он едва ли видел кого-то, потому что Оливия предпочитала проводить вечера дома, и редко-редко в её выходной он выбирался с прежней компанией в кино, потому что она считала кинотеатры тратой времени. У него были родители, которым он, бывало, забывал даже звонить – тяжело было отвечать на их выдержанные вопросы, понимая, что они не одобряют ни один из выборов, которые он сделал. У него были увлечения и занятия, к которым вряд ли можно было теперь вернуться – ни одно серьёзное дело не прощает, когда его отодвигают на второй план. Когда-то у него были и тексты, дописать которые сейчас казалось делом ещё более неподъемным, чем подняться с постели.

Но он поднялся с постели. Пол качался, как палуба во время шторма, и мир казался сном, из которого никак не получалось проснуться.

- Имей в виду, медведь-шатун; если ты опять пойдешь бедокурить, я больше не выйду тебя искать! – крикнул ему Стивен, который был подозрительно серьёзен в последние несколько дней.

Закрывая дверь, Гилберт хотел ответить, но не было сил кричать.

Кажется, как раз прошло Рождество; город был стильным и шумным, как и положено зимой Лондону. Кутаясь в куртку, Гилберт медленно ходил по улицам, пытаясь привыкнуть к ощущению пустоты. Внутренности будто вытянули каким-то прибором, и нечему было греть его изнутри; сколько он ни старался, согреться не получалось. Побродив по городу, он пришёл на вокзал. Из окна поезда знакомые пейзажи казались неживыми, как в фильме с чрезмерной компьютерной графикой.

Мама была на кухне, когда он пришёл. Открыв дверь своим ключом, он постоял на пороге, пытаясь припомнить, какой предлог придумывал в последние разы, когда его спрашивали, когда он приедет. Оливии не нравились его родители, и неприязнь была на редкость взаимной. Если бы отец сейчас не уехал в командировку по делам школы, Гилберт, может, и не решился бы прийти.

Сотни знакомых запахов разом обрушились на него, почти сбив с ног. Отлепившись от дверного косяка, он опустился на стул, пока мама заканчивала устраивать что-то на плите. Её руки пахли сырой картошкой и детством, когда она положила их на его плечи, внимательно заглядывая ему в лицо.

- Я чёртов идиот, мама. Прости меня.

- Пообедаешь с нами? – спросила мама, как ни в чём не бывало, когда наконец он перестал прижиматься к её груди, такой тёплой по сравнению со всем остальным.

Это было первое, чему он порадовался в новой жизни: маминому супу. Густому и прекрасно горячему; она поставила перед ним дымящуюся тарелку, и Гилберт как будто ожил, впервые за последние недели ощутив дыхание тепла. Полный того «мертвяка», от которого он с таким трудом отказывался всё это время, куриный суп с варёной лапшой, варёными овощами, насыщенным бульоном показался ему эликсиром жизни. Он ел и ел, и доел чуть ли не всю кастрюлю до дна перед тем, как уйти наверх и несколько дней подряд проспать в своей детской комнате, где ещё сидели его плюшевые собаки и висели постеры с подростковой поры.

Гилберт пробыл у родителей неделю, прежде чем вернуться в крысятник. Почва под ногами продолжала быть изнурительно зыбкой, и за что держаться, он по-прежнему не знал. Но холод внутри слегка отпустил его, а значит, можно было жить.

Целей стать выдающимся больше не было; целей найти родную душу и подавно. Так и не увидев других перспектив, Гилберт возобновил учёбу в колледже; в редакции простили единственный пропущенный дедлайн. Агент продолжал предлагать ему кастинги, и было интересно выбирать роли, ориентируясь теперь только на свои критерии. Он снялся в паре фильмов, которые ему понравились - небольших авторских проектах, которые давали почувствовать себя актёром, но не приносили ни прибыли, ни признания. Прежние ненаписанные тексты по-прежнему вертелись в голове, иногда прорываясь на бумагу разрозненными клочками. Невозможность слепить из них хоть что-то цельное всколыхивала мутную тошноту.

Он уже смирился, что так всё и будет. Он закончит колледж, защитит диплом по какой-нибудь теме вроде «Особенности ремарки в пьесах XVII века» или «Концепт мужского бесплодия в литературе раннего постмодернизма», и это будет, наверное, единственный его большой текст, который он сможет довести до конца, который прочтут другие. Найдёт работу по специальности – пойдёт преподавать литературу в школу на полную ставку, или попросит повышения в редакции, чтобы стать редактором и совершенствовать чужие тексты, раз не смог дописать свои. Время от времени, может быть, будет сниматься или играть где-нибудь – до тех пор, пока агент не найдёт себе нового актера, более талантливого и фактурного, и кастинги медленно сойдут на нет. Тогда и начнется та обычная жизнь, в которой тысячам людей удаётся

быть так безыскусно счастливыми. Наверное, думал Гилберт, об этом он и должен мечтать, раз судьба так недвусмысленно дала ему понять, насколько не для него те успехи, которые суждены исключительным, талантливым и выдающимся – кому-то, кто достоин чужой любви.

Он вернулся рано с работы и снова боролся с тошнотой, которая то и дело теперь напоминала ему о собственной никчёмности, стоило взяться за тетрадь, когда на кухню крысятника ворвался Стивен, свежий, румяный и вновь подозрительно серьёзный.

- Сидишь? – осведомился он. – Всё сидишь, значит.

- Я могу и встать, – не понял Гилберт.

- Шутки шутишь? Думу думаешь? Не боишься, что щель на заднице зарастёт от того, что просидишь всё на свете?

- Послушай, если ты опять вздумал меня учить, пощади; и без проповедей тошно. Отложи на завтра, ладно? А сегодня почитай «Улисса», если нечем заняться. Поднабёрешься умных идей.

- Сам читай своего «Улисса»; завтра будет поздно. Есть разговор.

Гилберт отставил пустую тетрадь в сторону. Странно, подумал он, что он так часто бывает прав, а на деле является таким идиотом.

- Ну валяй; я давно вижу, что у тебя что-то происходит. Всё жду, когда ты решишь мне рассказать.

- Здравствуйте, маэстро ясновидящий; оказывается, ты ещё что-то замечаешь в этом мире. Я уж думал, дело труба, – Стивен пододвинул стул и сел напротив Гилберта. – Ну тогда слушай. Есть две новости; одна плохая, другая хорошая. Но хорошая тебя касается только косвенно.

- Эмма беременна, и вы женитесь, – не спросил, а констатировал Гилберт. Было забавно видеть, как взлетели к бритой макушке тонкие Стивеновы брови. – Что ты, неужели думал, я не догадаюсь? Я идиот, но не настолько же. К тому же вы спите за картонной стеной в соседней комнате, а у меня бессонница. Но я очень рад. Слушать через подушку ваши планы на семейную жизнь гораздо приятней, чем ваши обсуждения, в какой позе больше нравится. Честное слово, когда вы начали встречаться, я изучил по вашим разговорам всю камасутру.

Стивен ошарашенно сглотнул.

- Хоть бы раз сказал, что тебя это раздражает. Я ж понятия не имел, что здесь такая слышимость!

- То есть как я вздыхаю от тоски, ты, значит, слышать мог, а я почему-то должен был вашу возню не слышать. Да брось ты. По тебе сразу было видно, что это то самое – не хотелось вас спугнуть. Хоть кому-то должно быть хорошо, – Гилберт устало взъерошил волосы. – Так что, теперь мне наконец можно вас поздравить?

- Да, – неуверенно улыбнулся друг. – Эмма разрешила рассказывать. Раньше она не хотела. Всё чего-то боялась.

- Я так и понял; поэтому и молчал. Хочешь поговорить о квартире? Я уже думал об этом. Я, наверное, вернусь к родителям. Пока, на время. Маме с Джейни часто нужна помощь. Ты сам видел, что у них творится.

Стивен кивнул. Пока Гилберт был сосредоточен на Оливии, у него дома случился серьёзный катаклизм семейного масштаба. Младшая сестра и всеобщая любимица, красавица, спортсменка и подающая надежды отличница вернулась беременной из школьной поездки, мастерски скрыв этот факт до момента, когда изменить ничего было уже нельзя. Гилберт только сейчас начал понимать, что стоило его маме смириться с тем, что из четверых детей именно младшая дочь первой сделает её бабушкой. Обстановка дома окончательно перестала быть мирной.

- Что, младенец даёт жару?

- Ну он орёт примерно двадцать три часа в сутки. А в остальном нормальный мужик такой. Посмотрел бы я на тебя, когда тебе был один месяц.

- Твой отец ещё не прибил его об стену, как кролика?

- Ха, я бы не удивился. Но он дома почти не бывает теперь. Мы его пару раз с начала года видели.

- Джейни так и не сказала, кто...?

- Не думаю, что она скажет в ближайшее время. Молчит, как упрямый партизан. Мне кажется, она по-прежнему любит этого мерзавца. Когда я просил её сказать мне по большому секрету, она ответила, что не переживёт, если я в припадке мести нечаянно убью его. - Джейни была Гилберту ближе всех остальных сестёр. Ему нравилось быть старшим братом и наблюдать, как год от года она становится всё взрослее. Вся ситуация была болезненной ещё и потому, что он не мог простить себе, что не был рядом с ней тогда, когда был нужен. - Я бы мог, между прочим. Давно хотел кого-нибудь прибить.

- Вы с ней похожи, братья по крови, - буркнул Стивен, глубоко вздыхая. - Насчёт длительной любви к тем, кто любви не особо заслуживает.

- Только не ругай меня опять, умоляю; у тебя скоро ребёнок родится, вот его и будешь воспитывать.

- Пообещай мне, что не уйдёшь в запой, когда я тебе что-то скажу.

Гилберт удивился. Вступление было неспроста.

- Ну?

Стивен смотрел внимательно и был нарочито спокойным.

- Пока ты на выходные к родителям ездил, мы с Эммой устроили себе праздник, экспромтом. Съездили в Париж.

Гилберт положил руку на живот, мысленно уговаривая тошноту улечься.

- Ненавижу Париж, - сказал он с отвращением.

- Я знаю. Мне тоже как-то пофиг. Эмме хотелось – сам знаешь, то ей клубнику под сыром чеддар, то теперь в Париж приспичило.

- И как там? Действительно так классно, как говорят?

- Не знаю, как-нибудь сам посмотришь. Я почти ничего не видел – Эмма меня по музеям таскала, картины смотреть. Такая скука, я там в третьем музее заснул уже в углу, на банкеточке,

- Стивен перевёл дух, как будто собираясь с силами. Гилберт терпеливо ждал, что он хочет рассказать. - И знаешь, кого мы встретили у Эйфелевой башни? Притом – в очереди! Когда все стоят в загоне, как бараны, и некуда деться?

В кухне было уже темно. Кроме солнечных пятен на стене, в крысятнике было мало света.

- Видимо, знаю.

- А знаешь, с кем она была? С твоим преподом. Который читал тебе курс, от которого ты плевался, как ядовитый верблюд. Которому лет сто или больше – он с бритой башкой, похожей на яйцо страуса. И они... Она с ним...

- Я понял.

Мистер Роджерс. Гилберт сразу понял, о ком речь. В колледже он плевался от всех курсов, но были в его личном рейтинге особенно нелюбимые – те, после которых он разочаровывался не просто в выбранной специальности, а в человечестве вообще. Курс по литературе первой половины двадцатого века был одним из них; все книги по программе он читал, всю теорию давно усвоил, а на лекциях чувствовал себя инопланетянином, выброшенным на другую планету. Заведующий лабораторией и один из факультетских светил мистер Джон Роджерс был квинтэссенцией всего, что Гилберт не любил в лекторах. Он говорил не по делу, много, запутанно, пересыпая свою речь мудрёными терминами и неоправданно выбирая заимствованные аналоги вместо обычных английских слов. От него веяло такой непоколебимой уверенностью в собственной гениальной исключительности, что Гилберт поначалу всерьёз пытался разо-

брать, что он говорит. А разобравшись, просто отказался от курса. Лекции у Роджерса были похожи на пасхальные яйца, которые им с сестрами дарила папина двоюродная сестра тетя Люси. В шикарной коробке с бантом, под ароматным прикрытием бархатной бумаги, в толстом гнезде из громко шуршащей, цветастой фольги с пластмассовыми объёмными наклейками где-то в глубине прятался стандартного размера киндер-сюрприз. На лекции мистера Роджерса, читавшего почти весь двадцатый век, Гилберт перестал ходить сразу, как разобрался, что весь авторитет профессора держится на самомнении и продуманном, псевдонаучном пафосе. Помнится, он ещё часто расспрашивал у Оливии, почему она так ревностно старается не пропускать именно этот курс...

Вспомнилось и другое. Как в один из хороших дней она рассказывала ему про свою подругу, настаивая, что с нею она его ещё не познакомила. Про то, как в девятнадцать лет эта подруга полюбила старшего, женатого, очень уважаемого мужчину, преподавателя университета. Он был дружен с её отцом, и симпатия возникла сразу, а не проходит уже несколько лет. Гилберт тогда ещё удивился, как хорошо она осведомлена о жизни этой подруги – это был аргумент в её защиту, потому что отсутствие у человека близких друзей многим казалось подозрительным, да и ему тоже. Он помнил, как ему было приятно, что она спросила у него совета, и как спокойно, мирно они говорили тогда в полутьме, и телевизор с очередным сериалом бросал разноцветные тени на её внимательное, чуть бледнее обычного лицо. Помнил, к какому выводу они пришли – что подруге нужно попытаться отвлечься от своего женатого любовника, попытаться найти ему замену, постараться построить отношения с кем-то, кто сможет быть с нею целиком, а не во время выдуманных командировок...

- Так вот он какой. С настоящим успехом. Настоящей профессией, - сам себе проговорил Гилберт, вспомнив гладко бритую, совершенно лысую голову человека, который ждал Оливию в машине как-то раз, когда она странно волновалась, говоря Гилберту, чтобы он сегодня к ней не приходил. И как он тогда не узнал его? - Ну и как она тебе? Здорова? Хорошо выглядит?

Стивен скривился, как от отвращения.

- Да лучше всех. Они ворковали, как два студента. Она ему всё говорила: «Спасибо, что ты исполняешь еще мою мечту», мемеме. Жрали виноград прямо в очереди, и кормили им друг друга. Эмме чуть плохо не стало. Ты вот говорил, что ненавидишь, когда люди выставляют свои чувства напоказ – и я теперь понял, почему это тебя так бесит! Только идиот может целовать свою девушку в плечо тогда, когда это все видят.

Тошнота наконец перехлестнула горло, и Гилберт метнулся в туалет.

- Никак токсикоз замучил? – безжалостно осведомился Стивен через какое-то время, найдя Гилберта в ставшей привычной позе страстного объятия с унитазом. – Почитай книжку «Холодный горизонт». Эмме помогала. Чуть начинало тошнить, как она начинала читать про эти сказочные страны; уж не знаю, кого она родит после этого.

Гилберт тяжело дышал, пытаясь отогнать из памяти строчки, картинки, обрывки мыслей, разговоров и своих иллюзий. Хорошо было бы вытошнить мозг, мелькнуло в голове, чтобы начать всё заново и обо всём забыть; ему так хотелось, чтобы тогда он не прогулял ту лекцию, не заявился в театр, не получил бы роль этого Ромео.

Стивен молча поигрывал бахромой Эмминого полотенца.

- И что ты будешь делать?

Гилберт сел на крышку унитаза и обнял себя руками. Было страшно холодно.

- По-твоему, я должен что-то делать?

- Ну блин, мужик, да – по-моему, ты должен делать хоть что-то, - отбросив полотенце, воскликнул Стивен. – Хоть что-то, только не в отношении своей модели. А в отношении себя. Посмотри на себя, зелёная морда. С тех пор, как вы расстались, ты плывёшь по течению, сложив лапки, как таракан в ожидании дихлофоса.

- Ты не прав.

- Я не прав? Ладно, допустим. Что ты сделал за эти месяцы? Помогал предкам, хорошо, а ещё? Тебя звали на десятки кастингов, а ты отправился на три – и тебя взяли на двух, между прочим. Тебя звали на десятки вечеринок, а ты отказываешься даже встретиться с прежней командой – только не вылезает из кино и проводишь вечер пятницы здесь, запершись, как царевна в башне. Ты мог бы плюнуть на всё и наконец заняться своим чёртовым романом, о котором прожужжал мне все уши – так нет, непонятно почему ты цепляешься за свой колледж и продолжаешь тянуть кота за хвост, забивая себе голову либо тем, что ты давно знаешь, либо тем, что тебе вовсе не нужно!

- Дай мне носовой платок, оплакать психоаналитика, который в тебе умер, - бесцветно выговорил Гилберт, стараясь отвернуться от его оживлённого, доброго лица.

- Да хоть урвись – только делай что-нибудь наконец! Не ставь на себе крест только потому, что имел неосторожность влюбиться всей своей возвышенной поэзией в мелочную актрисулю, которая вздумала вылепить из тебя что-то по своему образу и подобию, но обломалась, когда поняла, что дело это слишком трудоёмкое! – Стивен перевёл дух, как после пробежки. - Гилберт, ты любил жизнь больше всех, кого я знал – до того, как началось это мракобесие. Ты был самым любознательным и весёлым из всех наших знакомых – потому что ты тянулся к любому источнику, который мог дать тебе вдохновение. Ты был старше нас всех, потому что у тебя был стержень, который держал тебя, и всем нам ты казался ужасно крутым, потому что всегда знал, чего хочешь. Этот стержень никто не мог отобрать у тебя – он был слишком твой, и я знаю, что он никуда не делся, сколько бы ты от него ни отказывался, не делал вид, что всё кончилось...

- Неужели тебе не надоело, Стив, ты как заевшая пластинка! Я уже знаю, что был неправ во всем, что касалось Оливии. Вовсе незачем мне популярно и с примерами объяснять это каждый раз, когда мне становится плохо.

- Да потому что если бы ты не питался столько времени одной травой, ты бы не испортил на фиг весь свой хренов желудок! – Стивен резко встал с бортика ванны, на котором сидел, и с размаху ударил Гилберта по плечу; тот судорожно вздохнул от резкого движения. – Вычеркни наконец прошлый год, как будто его не было; возьми себя в руки, ты, «лучший мозг современной литературы!»

- Я понял, Стивен; уйди, пожалуйста.

- Я сейчас принесу «Улисса» и буду читать тебе его до сих пор, пока ты не примешь решения...

Крик должен был быть гневным, а получился отчаянным, сломанным:

- Уйди, говорю; закрой сейчас же дверь!

Стивен вышел, и Гилберт тяжело прислонился головой к холодному кафелю. Капающий кран размеренно ронял капли воды в середину ржавого пятна на раковине. Где-то у них под окнами громко смеялись вышедшие на перекур санитары.

Решение было простым, и Стивен был прав – ему давно пора было его принять. Но Гилберт уже давно и безуспешно пытался вычеркнуть из своей жизни последний год. Жизнь – это не роман, не текст на компьютере; нельзя выделить и удалить неудавшуюся часть кнопкой delete. Ему придется сделать выводы из неудавшегося черновика, который уже написан, и жить дальше без возможности его подредактировать.

И Оливия права – он никогда не сможет стать настоящим. Не сможет добиться успеха, потому что слишком тяжел на подъём; не сможет найти любимое дело, потому что однолюб по природе. Не сможет написать свой роман, потому что потерял ту магию, которая нашептывала ему слова, счастливо складывающиеся в предложения, не казавшиеся ему беспомощными.

Лучшего мозга литературы нет; он исчез, растворился в желчи и разочарованиях, которые заняли все те пустоты, которые остались после того, как его покинуло вдохновение. Это

произошло так давно; как долго он был глупцом и не разрешал себе осознать этого. Прошлого не вернуть; надо ставить новые цели. Но не здесь.

Сжавшись в комок на унитазах, чувствуя, как умирает от холода в сыром туалете, Гилберт принял решение. Нужно уезжать. Любая мелочь, всё, что составляло сейчас его жизнь, неизбежно напоминало только о провалах – он жил на руинах, теша себя мыслью, что снова сможет построить на пепелище памятник архитектуры. Надо было уезжать; надо было строить хоть что-то на новом месте, пусть и не памятник архитектуры, а безликое, самое обыкновенное здание, сливаясь с длинными рядами массовой застройки.

Там никто не будет помнить, как он собирался жить раньше; никто не будет спрашивать, что случилось с его прежними планами. Там ему, наверное, и самому будет легче о них забыть.

Решиться было легко: в Лондоне его больше ничего не держало. Не было любимой работы, не было неотложных дел. Совсем скоро Стивен и Эмма уедут в семейное гнездо; он останется даже без крысятника. И у мамы теперь наконец-то есть ещё один мальчик, которого она всегда хотела.

Гилберт медленно вымыл пол в туалете, завершая замысел, и негромко постучался в комнату Стивена.

- Что ты там говорил про книжку от тошноты? Дай мне почитать, я хочу быть в курсе.

Денег за возвращенный туристический ваучер почти хватило на билет в один конец. Через неделю он сидел в самолёте, узнав от своего агента, что американский режиссёр всё ещё не нашла исполнителя главного героя для экранизации серии книг «Холодный горизонт».

И он до сих пор не знал, что привело его в Голливуд. Бег от прошлых неудач, остатки надежд, отчаяние. Или всё же любовь.

Глава 6 "Линии жизни". Часть 1

«—Я ищу друзей, - сказал Маленький принц, - А как это - приручить?»

— Это давно забытое понятие, - объяснил Лис. - Оно означает: создать узы.

— Узы?

— Вот именно, - сказал Лис. - Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

- Я начинаю понимать, - сказал Маленький принц, - Есть одна роза... Наверно, она меня приручила» ...

Гилберт снова читал Бобби его любимую книгу. Старался изо всех сил: внимательно перелистывал страницы, менял голос и произносил реплики с выражением. Получалось отлично, если бы не разбирающий смех; даже на серьёзных местах улыбка так и пряталась в уголках его губ. Бруклин сидела на полу у изголовья Бобби и тоже с трудом сдерживалась, чтобы не фыркнуть; этот отрывок её ребенок требовал читать так часто, что все они давно уже знали его наизусть. Когда Гилберт кидал взгляд на Бруклин, и они в очередной раз сдерживали неуместное хихиканье, он закрывал глаза и продолжал читать по памяти.

« - Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

- А что для этого надо делать? - спросил Маленький принц.

- Надо запастись терпением, - ответил Лис. - Сперва сядь вон там, поодаль, на траву - вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе»...

Бобби всегда ждал Гилберта, но давно усвоил, что, пока они дома, Гилберт может приходить играть только по вечерам. Пока Бруклин отдавалась отпускной неге, Гилберт не дал себе ни дня отдыха. Обычно он писал ночь напролёт, потом спал, а потом, на радость Бобби, частенько приходил к ним на ужин. Между их частями сада так и не было забора – первоначально планировался, но всё не доходили руки его построить. Смысла отгораживаться не было, пока они то и дело ходили туда-сюда.

Комната Бобби примыкала к Бруклиновой спальне. Бруклин никогда не закрывала дверь между ними – боялась, что не услышит, как он зовет её. Она до сих пор помнила эти мучительные ночи, когда в детстве лежала одна в темноте и боялась всего на свете. Нэнни жила на первом этаже и не улавливала её криков, брат всегда спал как убитый; мама, если и была дома, специально делала вид, что не слышит, как, набравшись смелости, Бруклин пробовала её позвать. Она никому не признавалась, что боялась засыпать в темноте и когда уже давно была подростком. Прекрасно понимала, что всё страшное существует только в воображении, и всё равно не могла закрыть глаза, испуганно вглядываясь в сгустки темноты по углам. Что там, Бруклин и до сих пор иногда радовалась, когда понимала, что засыпает и сегодня не придется долго лежать в темноте, замирая от каждого шороха.

Впрочем, сын её страхов не унаследовал. Стоило потушить свет, как он засыпал крепким мальчишеским сном, отвернувшись к своим плюшевым игрушкам. Бывало, Бруклин не могла поверить, что он так быстро заснул, беспокоилась, подходила проверить – но Бобби действительно спал, завернутый в одеяло до самых ушей, и часто улыбался во сне. Разбудить его было сложно. Устроившись на ковре совсем рядом с детской, они с Гилбертом не сильно понижали голос, пока болтали и временили закончить очередной уходящий вечер.

Не меньше, чем Бобби, Бруклин радовалась, что, когда голова начинала раскалываться от атакующих тревог, ей всегда было теперь, с кем поговорить.

И от кого получить дружескую, безусловную поддержку.

- Извини меня, Брукс, но это полный бред, - Гилберт держал на коленях один из своих блокнотов и ожесточённо грыз кончик ручки. Он всегда писал только шариковыми, определенной фирмы, и запасался ими впрок, потому что они периодически исчезали из продажи, и ему приходилось их с трудом экономить. Впрочем, его ручки Бруклин узнавала не по марке, а по неизменным следам зубов на колпачке. – Полный, толстый, с последней стадией ожирения.

- Ну не знаю.

- Прекрасно знаешь. Ты бредовость фильмов замечаешь гораздо раньше меня.

- С одной стороны только бред. А если посмотреть на другие стороны...

- Брукс, я тебя умоляю. У этих сценариев нет других сторон – они плоские, как лист бумаги. В этих пустышках ничего ты не увидишь.

- Ну хорошо, а у меня что, есть выбор? – Бруклин взмахнула руками, осматривая заваленный распечатками пол. Сегодня они наконец собрались пообсуждать сценарии, которые без разбора валялись между ними с ровными строчками её заметок и широкими, словно зашифрованными тайным кодом комментариями Гилберта. У них давно уже повелось обсуждать друг с другом все роли, о которых они всерьёз задумывались, и на этот раз Бруклин рассчитывала на советы Гилберта больше, чем когда-либо. – Ты же согласен, что хороших ролей тут нет вообще? Тут пустышка, тут пустышка, тут обнажёнка.

- Порнушка. Обнажёнкой тебя не запугать.

— Вот видишь! Раз ничего большего мне не светит, лучше уж соглашаться на меньшее из зол.

- Брукс, ты прекрасно знаешь, что этот режиссёр для тебя - не меньшее из зол, - спокойно сказал Гилберт, поднимая глаза от блокнота и осторожно следя за её реакцией. – И на этот проект ты хочешь разменяться из-за страха. А у него нет власти над тобой.

Бруклин ругнулась и принялась поспешно собирать разбросанные листы. Вопрос выбора ролей сейчас стоял особенно остро. Пять лет подряд она играла главную роль в романтической франшизе, которая принесла ей мировую известность, миллионы долларов и реальную опасность пополнить ряды актрис-однодневок, чья слава быстро сходит на нет, стоит её поклонникам чуть выйти из подросткового возраста. Финальный фильм выходил этой осенью, и с героиней, которую Бруклин нежно полюбила и с интересом играла, она уже попрощалась. Предстояло как-то продолжать карьеру, а предложения пока не радовали. Их было небывало много, но все походили друг на друга. В основном роли либо дублировали уже сыгранное, либо были большим шагом назад. А после сегодняшней новости, что фильм, который уже был подтвержден для неё, снят с предпродакшена из-за продюсерских отказов, перспективы рисовались самыми что ни на есть мрачными. Даже Гилберт, который в своей манере саркастично и ёмко разложил ей по полочкам все аргументы, почему не нужно тревожиться, не помог ей избавиться от тягостного предчувствия неудачи.

- А что с тем фильмом про космический корабль, за сценарий которого можно было продать душу?

- А, с ним все в порядке. Но он только следующим летом. Там же одни звёзды, все ждут, пока у них всех совпадёт расписание.

- А тот французский режиссёр, который сказал, что либо с тобой, либо фильма вообще не будет?

- А он так и ждёт финансирования. Так что фильма нет что со мной, что без меня.

- Ещё у тебя была крутая заумная мистика, которую тебе предлагала хищная австралийка.

- Она так и предлагает. Но судя по тому, как она ведёт этот проект, единственный способ его осуществить – это спродюсировать самой.

- Ну так спродюсируй.

- Ты что, смеёшься? Ты хоть представляешь, как будет выглядеть, если сейчас я полезу продюсировать?

Гилберт теребил в пальцах длинные ворсинки ковра и выглядел удивительно спокойным.

- Закономерно это будет выглядеть. Ты в кино с детства и давно знаешь все правила игры. У тебя большой опыт, здравый взгляд на вещи, способность к математике на зависть прочим. Тебе давно пора начать продюсировать интересные проекты, чтобы не зависеть от всяких студий, которые только хотят резать купоны на пустышках и комиксах.

- Вообще-то это будет выглядеть, будто я пытаюсь снимать сама себя, потому что больше меня никто не берёт.

- Брукс, бросай уже эти недооцененные замашки.

- Ты что, забыл, как ко мне относятся? Как пишут, что я бесчувственный чурбан с открытым ртом?

- Да, а потом лучшие в мире актёры говорят, что либо они снимаются с тобой, либо отказываются от проекта.

- Я заняла первое место в хит-параде «самых ненавистных знаменитостей»!

- Прости, я говорю с первой в мире американской актрисой, которая взяла одновременно премии французской, британской и австралийской киноакадемий?

- «У животных есть чувства, ешьте растения! Но у растений есть чувства, ешьте камни! Но у камней есть чувства, ешьте Бруклин Бридж! Но у Бруклин Бридж... а, ну да».

- Брукс, ещё одно слово из этого района, и я позову полисмена, - Гилберт разозлённо поёрзал и вытащил из-за спины Боббиного жирафа. - Когда ты принимаешь себя ругать, тебя никто не переубедит. Но помани моё слово, что среди продюсеров тебе самое место, и режиссёрское кресло по тебе плачет. И когда-нибудь дождётся, я уверен, - он помолчал, чтобы она как следует усвоила его слова, со стуком захлопнул блокнот и сказал совсем другим тоном:

- А первый, кто выиграет от этого решения, будет твоя австралийская режиссёрша.

Мигом разобравшись в причине его хитроулой ухмылки, Бруклин схватила первый попавшийся сценарий и в сердцах метнула ему в голову. Гилберт умело уклонился, кинул в неё жирафа и попал.

- Да! Если бы я и взялась за эти продюсерские игры, то начала бы как раз с этого австралийского проекта, - подтвердила она, подражая его интонации.

- Я и не сомневался! Что ни говори, но австралийцы – твоя слабость.

Не удостоив его ответом, Бруклин с крайним вниманием принялась складывать сценарии в пустой ящик для игрушек, расправляя листы и поправляя канцелярские зажимы. Яркие коробки на колёсиках оказались отличным вместилищем для рабочих бумаг.

- Сколько у тебя их было, Брукс? Тот высокий, потом бизнесмен, еще коллега Стивена из Канберры... Тебя что, заводит их акцент?

- Твой день проходит зря, если ты не припомнишь мне мои косяки?

- Нет, Брукс. Для зря прожитого дня у меня совсем другие критерии, - Гилберт сгрузил в её коробку оставшиеся листы и от души потянулся, смешно сочетая детскую гримаску со своим большим телом. - Вот сегодняшний вечер кончится, и они как раз начнутся. Два десятка дней, проведённых зря.

- Ну не совсем зря, Гилберт, бедный, - уловив печаль в его голосе, Бруклин тут же пристыдила себя, что так бессовестно позволяет себе пользоваться его добротой. Сегодня Гилберт пришёл раньше, чтобы побыть с Бобби накануне отъезда, и вечер получился таким душевным и замечательным. Но вечер кончался слишком быстро, время почти истекло, и ночь, как всегда, всё отяжеляла. - Блин, ты прости меня. Ты же торопишься, а я тут со своими проблемами. Вешаю их на тебя и рада.

- Никуда я не тороплюсь. И ничего ты не рада, - Гилберт поднялся с ковра и подошёл поправить занавеску, которая беспокойно металась на ветру. Эта комната была в её доме одно-

временно и кабинетом, и игровой, и гостиной. Давно стемнело, но они с Гилбертом не зажигали света и сидели в сумерках, привыкнув к негромкому свету настенной гирлянды. Его фигура тёмным силуэтом выделялась на фоне большого окна. - Я понять не могу – ты так любишь сидеть дома, у тебя за пять лет свободными больше пары недель не выходило. Что тебе неймётся братья за эти совершенно пустые фильмы?

Бруклин снова опустила взгляд, машинально катая туда-сюда наполненную распечатками коробку. За эту недолгую передышку она так привыкла о чём угодно болтать по вечерам с Гилбертом. Не стоило привязываться так сильно.

- Ну ты же не всерьёз мне предлагаешь ждать подтверждённых проектов и не сниматься до следующего лета.

- Ты же сама в первую очередь рассматриваешь этот вариант.

- И что я в этот год буду делать? Целый грёбанный год, Гилберт! Даже когда Бобби родился, я не сидела без работы больше трёх месяцев.

В свете гирлянды его отражение в стекле вспыхивало то синим, то красным светом.

- Ты хочешь мне сказать, что не найдёшь, чем заняться, если у тебя будет свободное время? Что не получишь удовольствие, если позволишь себе передышку?

Он смотрел в сад, но Бруклин всё равно опустила глаза, отведя взгляд от его отражения. Гилберт прекрасно всё понимал. Ему не было страшно признаваться.

- Я правда очень боюсь снова стать ненужной.

Она и сама не ожидала, что сможет сказать это вслух. Впрочем, может быть, и не сказала. Может быть, её голос был невнятным. Гилберт так времени с ответом. Может быть, ему кто-то написал, и он отвлёкся на телефон? Может быть, её не было слышно?

Смешавшись, Бруклин поднялась с пола, заняла чем-то руки, чтобы отвлечься и не ждать его ответа, а когда повернулась, Гилберт оказался гораздо ближе к ней, чем она ожидала. Неуклюжий и громоздкий, иногда он по-актёрски умел двигаться совсем бесшумно.

Взгляд у него был беспокойным, и она смутилась, не понимая. Что такого скандального она сказала ему? Почему вдруг он выглядит так, как будто рассержен, на неё или на кого-то ещё?

- Брукс... - он поднял руку, запустил в волосы и так и стоял, не закрыв рта.

- Ты что, Гилберт?

- Честное слово, Брукс...

- Гилберт, дорогой! Будь добр, подойти ко мне на минутку!

Голос у Нэнни был совсем не громким, но Гилберт вздрогнул от неожиданности. Бруклин и забыла, что Нэнни ещё не ушла к себе.

- «Больница доктора Грея» закончилась, - пробормотал Гилберт, взглянув на часы.

- Ах да, - вспомнила Бруклин. – Сегодня же последняя серия сезона.

- Сейчас приду, - Гилберт поспешно вышел, всё ещё рассерженный чем-то непонятным.

Бруклин растерянно оглянулась в комнате, сердясь, что так неожиданно закончился их странный разговор.

Бруклин помнила рядом с собой Нэнни столько же, сколько себя саму. Мама наняла постоянную няню, когда старшему брату ещё не исполнилось года, а до рождения Бруклин оставалось несколько месяцев. У Нэнни всегда были наготове ответы, когда Бруклин требовалось объяснение, почему небо голубое, трава зелёная, а мама приезжает домой только по вечерам и совершенно не интересуется содержанием её сна, историями её игрушек и прочими важными новостями. Нэнни приходила смотреть, как Бруклин танцует на рождественских праздниках и умела утешить, когда та приходила домой в слезах, пытаясь понять, почему в школе никто не хочет дружить с ней. Мама всегда находила какие-то недостатки в детях, авторитарно ставила им в пример свои достижения и не прощала их ошибок; Нэнни с неизменной строгостью объясняла, что хорошо, что плохо, и с искоркой озорства разрешала слегка

преступить эту черту по большим праздникам. Нэнни была мягче мамы, была рядом гораздо чаще, чем мама – Нэнни никогда не могла заменить маму, но с самого начала тоже была кем-то, кого никто не мог заменить.

Иногда в голову и приходили трусливые мысли, что Нэнни надоест вечно жить на работе, но такие страхи быстро проходили. Бобби стал прекрасным предлогом снова соединиться вместе, так что Нэнни осталась незаменимой, и когда её контракт с матерью Бруклин давно закончился. Когда после успеха второго фильма серии «Холодный горизонт» они задумали идею этого бункера, Нэнни сама решила построить свой дом на том же участке, чтобы быть рядом. Гилберт говорил, что она живет на остановке «Добрая фея».

Он вообще ужасно к ней подлизывался.

- Брукс! Брукс, спаси меня, - взъерошенный и покрасневший, Гилберт поспешно поманил её из гостиной, где Нэнни коротала вечер за просмотром очередного медицинского сериала. Давно, совсем в молодости, Нэнни страстно мечтала стать врачом и с тех пор смотрела все подряд «Скорые помощи» и «Докторов Хаусов». Когда кто-то из её близких заболел, она обрушивала на него вал медицинских терминов, которые чаще всего перевирала, и беспощадно критиковала назначения состоявшихся врачей. Гилберт пару раз наблюдал это и чуть не умер со смеху, утверждая, что, произнося названия лекарств или симптомов, Нэнни «бодалась», совсем как молодой Джордж Клуни. – Брукс, мне дадут с собой примерно полтонны еды, а я уезжаю через пару часов. Вмешайся, Брукс, умоляю!

Бруклин с ужасом оглядела стол, на котором стояли подготовленные контейнеры.

- Нэнни, он же правда уезжает утром.

- И что? – Нэнни уверенно складывала коробки в бумажный пакет. - Вы же не спите ночами оба, а тут как раз немного подкрепиться перед дорогой.

- Такое количество убьёт его, а тебя убьют его фанатки. Хочешь быть растерзанной на куски визжащей толпой? Гилберт же никогда не выбрасывает еду. Он будет доедать эти коробки всю ночь и умрёт от обжорства.

Нэнни несогласно мотнула головой и добавила в пакет еще какой-то свёрток. Она души не чаяла в Гилберте и уже много лет выражала это обожание попытками накормить его до смерти. Бруклин всегда от души веселилась, когда видела, как её нарочито строгая, не дающая спуска нянечка растекалась в сладкий елей, стоило ему показаться на пороге. И никогда не могла решить, кто из них вёл себя смешнее – очарованная Нэнни или же Гилберт, смущенный и красный, как непривыкший к вниманию противоположного пола подросток.

- Вот из-за тебя он до сих пор такой худой, что смотреть страшно! – возмутилась Нэнни, когда Бруклин пришлось взять пакет и самостоятельно уменьшить количество продуктов до разумного. Отделив только то, что Гилберт действительно любил и мог есть без опасений, Бруклин бескомпромиссно спрятала оставшееся в холодильник. – Ты что же, не знаешь, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок?

- В случае Гилберта этот путь бесконечен. У него в желудке чёрная дыра; сколько ни корми, до сердца не доберешься.

Гилберт с благодарным поклоном принял из её рук пакет.

- Тебе-то, Брукс, точно не светит. С тобой скорее с голоду помрёшь.

Он галантно поцеловал Нэнни руку и послушно кивал, пока она ерошила ему волосы и наказывала «кушать как следует и обязательно высыпаться». Нэнни никогда не понимала, насколько невыполнимы её такие несложные рекомендации.

Гилберт уезжал без особого желания; Бруклин и спрашивать было не нужно. Обычно он с удовольствием предвкушал интересные роли, с интересом готовился к ним, собирал материал. Он тоже был трудоголиком, а уж если работа ему нравилась, мог вообще уйти в неё с головой, забывая обо всём на свете. Однако сейчас ему предстояли не съёмки: он уезжал на промотур нового фильма, шикарной исторической драмы, которая уже собрала несколько почетных

наград с уважаемых фестивалей разных стран и обещала быть очередным успехом. И хотя этим проектом Гилберт был доволен и очень его любил, предстоящий промо-тур, очень масштабный, не вызывал у него большого энтузиазма. Бруклин прекрасно понимала его. Работа их теперь сводилась уже не только к актёрской игре, и всё, что прилагалось к контракту, обычно оказывалось гораздо более изнурительным, чем непосредственно съёмки. Гилберт ехал не заниматься любимым делом, а выполнять обязательства. И ехал не с самым лёгким сердцем – Бруклин видела это в том, как он говорит о поездке, как строит планы на приезд, как прощается. Нетрудно было догадаться, почему. Можно было предположить, что он тяготится предстоящими разъездами – но она знала, что путешествовать Гилберт любит, а к масштабной раскрутке фильмов давно привык. Можно было подумать, что ему лень – что тоже было неправдой, потому что работать он любил и умело заставлял себя беспрекословно выполнять всё, что требуется. Можно было растрогаться и связать его нежелание с привязанностью к Бобби, к дому или ещё к кому-нибудь. Но Бруклин прекрасно знала, что на самом деле душа у Гилберта болела почти исключительно о его романе.

И она не знала, чем вызвано сегодняшнее тягостное чувство. То ли она просто сочувствовала, что Гилберта опять отрывают от любимого дела. То ли действительно позволила себе слишком привыкнуть, что по вечерам ей есть, с кем поболтать обо всём на свете.

Глава 6 "Линии жизни". Часть 2

- Даже не пытайся симулировать и пытаться снова соскочить с дистанции, - Гилберт отнёс к себе в дом Нэннины гостинцы и вернулся уже переодетый. – У тебя ровно две минуты.

- Опять? Нет, Гилберт, я не хочу, - Она вспомнила об их ежедневной борьбе, и решение больше не нить как рукой сняло. – У меня горло болит, я болею. Нет, правда. Не видишь, как мне плохо? Ооо...

- Не верю ни одному твоему слову. И сигареты тебе не дам.

- А у тебя есть?

- Осталась одна минута, Брукс, или я потащу тебя прямо в одежде.

Недавно они договорились вместе бросить курить, и поначалу вести беседы без привычной сигареты в пальцах было на редкость сложно. Бруклин наверняка бы сорвалась, но обычно мягкий Гилберт, единожды приняв решение, мог быть совершенно нестигаемым, а отставать ей не хотелось. Всё это время, что они отдыхали после фестиваля, Гилберт почти каждый день приходил на ужин, они болтали, а потом шли купаться. Прогрессивный метод борьбы с курением действовал довольно неплохо, и хотя сигареты всё равно снились им по ночам и мерещились везде, где можно, они честно боролись с этим, в том числе ежевечерними заплывами.

Бархатность майской ночи приятно освежала лицо; в свете фонарей вода казалась полосатой. Бросив где-то на газоне обувь, они пошлёпали босиком по траве; ноги у Гилберта были большие и очень белые, и Бруклин всё смеялась, как смешно выглядели на тёмном фоне эти маленькие белые лыжики. Заявив, что больше не в силах слушать, как женщина осмеивает самую интимную часть его тела, он спихнул её в воду, и они весело боролись, пытаясь, как тюлени. Бруклин чаще всего плавала у бортиков, по периметру; Гилберт смешно плескался, носился от берега к берегу, нырял в самой середине и любил играть в воде в догонялки, неожиданно выныривая перед ней или хватая сзади за ногу. Это была одна из тех вещей, за которые она любила проводить время с Гилбертом. Взрослый, умелый профессионализм сочетался в нём с весёлым, безобидным мальчишеством, так что его умением радоваться жизни поневоле заражались даже такие унылые личности, как она.

- Да, - сказал Гилберт как будто про себя, и принялся трясти головой, чтобы вытрясти воду, попавшую в ухо. – Пожалуй, этих спортивных пятиминуток мне будет не хватать.

- Мне тоже, - пожалела Бруклин, выжимая волосы. – Я без тебя не буду купаться. Только с Бобби разве что.

- Да, за тебя я могу быть спокоен. С твоим сыном-амфибией ты без водных процедур не останешься.

Они фыркнули. Её Бобби и правда способен был сидеть в воде часами. Он очень рано научился плавать, и, когда они всей компанией уезжали куда-нибудь на пляж, самой сложной задачей было вытащить его из моря. Он пересаживал в прибое даже самых отчаянных купальщиков, и чаще всего Гилберту приходилось изрядно потрудиться, чтобы изловить его, вытащить за пятки и высоко поднять в воздух с возгласом: «Это не ребёнок, это какое-то водоплавающее!»

- Ну ты в отелях, может, тоже выкроишь себе время на спорт?

- Тебе самой-то не смешно? В промо-туре у меня будут другие виды спорта. Силовое выпрыгивание из постели, например.

- Спортивная ходьба по красной дорожке.

- Бег с препятствиями по аэропорту.

- Скоростное метание автографов!

Они засмеялись и почти одновременно зевнули. Гилберт привычно прикрыл рот ладонью.

– Счастье было таким недолгим, Брукс, - проговорил он безрадостно. – Завтра мне снова вставать ни свет ни заря и бежать куда-то в суету.

- Неужели ты не выспался за это время?

- Издеваешься? Выспаться я разве что на том свете смогу. У меня эти дни выдались самыми рабочими за последний год... - голос на этих словах звучал не в пример бодрее. – Господи, какой был кайф. Так жалко, что закончилось.

Бруклин повернула голову, чтобы увидеть его лицо. Когда Гилберт был доволен тем, как обстояли дела с его романом, он становился как будто на несколько лет младше. Глаза начинали сиять, как у счастливого ребёнка, и он весь светился изнутри.

- Ну как, по-прежнему выходишь на финишную прямую? – Бруклин шутливо оттянула резинку его плавательных шорт, чтобы она щёлкнула его по коже. В отместку он обернул её своим мокрым полотенцем. – А то сколько я тебя ни спрашиваю, как у романа дела, ты каждый раз мне говоришь, что выходишь на финишную прямую.

Пытаясь выбраться из влажного махрового кокона, Бруклин усиленно работала локтями, чтобы Гилберт убрал свои руки с полотенцем. Однако он отпустил её только тогда, когда она перестала сопротивляться и сделала вид, что обижается.

- Можешь смеяться дальше, но у меня такое впечатление, что в этот раз я реально как будто вижу финиш, - выдохнул Гилберт, слегка запыхавшийся от их борьбы. – У меня был примерный список дел, и я впервые в жизни его перевыполнил. Даже не знаю... Сейчас вот приду, хочу еще раз пролог пересмотреть, доработать вступление... и кажется, вообще можно будет к финальной редакции переходить.

- Тебе завтра вставать в мерзкую рань, а ты хочешь еще дорабатывать?

- Плевать; посплю в самолете. Так всегда бывает, Брукс. Думаешь – да, надо раньше пойти спать, сегодня работать не буду... Ну вот только немножко. А потом, когда работа пойдёт, вообще становится ничего не важно. Что там спать, там дышать готов перестать – только бы дальше шло.

Придвинув второй лежак так, чтобы было удобней разговаривать, Гилберт разлегся на боку, облокотившись на руку. Даже до отъезда, он уже выглядел усталым. Собственно, Гилберт выглядел усталым всегда, потому что, когда у него не было работы, он работал в два раза больше обычного. Бруклин досадливо подумала, что она целый день сегодня только и делала, что жаловалась ему. В прошлые вечера они о чём-то говорили или смеялись, а сегодня она гнула и хандрила ему на ухо. С собеседниками у неё вообще всегда была напряжёнка: в детстве подружиться ни с кем не удалось, а те первые ростки дружбы, появившиеся с кем-то из коллег, быстро исчезли после успеха фильмов «Холодный горизонт» и появления сына. Довериться кому-то при всей сложности их жизни теперь было непросто, и почти все её друзья изначально опять же были друзьями Гилберта - Джейни, его сестра, Эмма, жена его друга, и вообще все члены его лондонской банды, в которой её с первого же раза приняли, как свою. Эта команда да коллеги из «Холодного горизонта» - а больше друзей она по-прежнему не нажила. Когда хотелось посекретничать, довериться или поныть, её подружкой и жилеткой опять был Гилберт.

- Прости, что я всё время грузу тебя, ладно? - она отвлеклась от бесполезного созерцания неба и резко поджала под себя ноги. – Я так привыкла, что с тобой можно поговорить о чём угодно... Забываюсь и начинаю болтать. Тебе наверняка скучно бесконечно выслушивать мои бредни.

Повернувшись, она натолкнулась на серьёзный, совершенно спокойный взгляд Гилберта, который задумчиво перебирал пальцами влажную бахромку полотенца. Когда она начала извиняться, он недовольно поднял свои мохнатые брови.

- Точно как Джейни, Брукс. Та сегодня тоже мне по телефону решила устроить минуту славы. Вы дождётесь, что я возгоржусь, потребую называть меня «сэром» и запрещаю сидеть в своём присутствии. Мы с вами что, первый год знакомы? Не надо со мной, как с чужим.

Бруклин слегка поёжилась. Близился момент, когда она начнет чувствовать холод. Но вести с Гилбертом неспешные дружественные разговоры, растянувшись рядом на лежаках для загара, которыми они почти никогда не пользовались по назначению, было очень приятно. Рядом с Гилбертом всегда почему-то казалось, что все её ошибки не так страшны, как она склонна была накручивать себя в одиночестве.

Гилберт потянулся, собираясь встать, а потом расслабился, явно решив полежать ещё.

- Хочешь, я тебе тоже пожелаю, для равновесия, - капризно протянул он, подавив очередной зевок. – Мне знаешь как не хочется отправляться в этот промо-тур. Никогда раньше так не было. И как назло, именно тогда, когда мне так писалось хорошо...

Выражение досады на его лице напомнило Бруклин Бобби, когда тому не давали досмотреть особенно интересный мультик, перенося просмотр на завтра.

- Ничего, ты не огорчайся. В октябре мы снова поедem всем табором, и ты на третий день начнешь ворчать, что не понимаешь, отчего целью жизни всех остальных является лишить тебя хотя бы минуты уединения.

- Я такого не говорил никогда! Ну просто реально – каждый вечер им надо собираться вместе на дружеский ужин? Мэнди вообще считает, что каждая минута, которую она не тратит на попытки соблазнить меня, прожита зря.

- Ага, просто стоит нам не собраться, как ты начинаешь: «А почему все засели в номерах? Мы что, так и просидим всю ночь в отеле? Нет, так не пойдет, у нас ещё целый час и мы должны обежать все музеи Рима!». В этот промо-тур ты тоже будешь всё время таскать меня в музей?

- Могу тебе сказать точно, куда я с тобой не пойду. Не вздумай даже ещё раз потащить меня на шоппинг.

Бруклин спрятала в кулак смех, чтобы не расхохотаться во всё горло.

- Правда? А я собиралась! Ты же опять в обносках ходишь, неужели ты не заметил?

- Какие обноски, я чемодан собирал сегодня – половину футболок не распакованных положил, которые ты мне купила! Ты как с цепи сорвалась тогда. У меня столько одежды новой в жизни не было, я до сих пор не знаю, куда её девать.

- Ну потому что тебе же надеть было нечего. Кто-то в конце концов должен был уже заняться твоим гардеробом. Ты даже замечать не будешь, что выглядишь, как непонятно кто! Твои оторванные рукава и рваные джинсы ведь компрометируют меня в глазах общественности как твою типа-девушку!

- Ну а я как твой типа-мужчина, не выгляжу разве полным лохом, когда ты носишься по всему магазину, подбирая мне рубашки?

- Да нет. Ты вспомни, как мы смеялись. Ты мне кричал из примерочной проклятья в стихах.

— Это я помню. Но мы с тобой ведь когда выходим куда-нибудь, как с ума сходим.

- Да когда не выходим тоже.

- Точно. По жизни ржём. Думаешь, это у нас какой-то корпоративный вирус?...

- Послушай, а что мы будем делать дальше? – неожиданно задала Бруклин вопрос, который не планировала. – Теперь, когда всё кончилось? Лето пройдёт, мы съездим на последние премьеры... И что? Все наши контракты заканчиваются с датой выхода последнего фильма.

Гилберт помолчал, потом неуклюже пожал плечами. Отросшие за несколько недель пряди в беспорядке подсыхали после купания и падали на лоб. А ведь его, наверное, опять остригут, подумала Бруклин, вспомнив его образ в фильме, который он ехал продвигать. В обычной жизни Гилберт был рад не то чтобы не стричься, а вообще и не бриться. Свою бороду сейчас он убрал только потому, что Нэнни пугалась и говорила, что чучел огородных она ужинами не кормит.

- Да уж наверное, что-нибудь будем...- хмыкнул Гилберт и переменял позу, разминая затёкшее запястье. Задумчиво он смотрел в небо и слегка улыбался, когда говорил. – Что нам

ещё остаётся. Наберём себе проектов, каждый штук по десять, будем стараться убежать от стереотипа, который сейчас навешен на нас. Ты будешь выбирать роли прожжённых стерв и злодеек, я... не знаю, что угодно, только чтобы никогда в кадре рубашку не снимать! Так и будем работать, пока роли есть. Наверное, через сколько-то месяцев после последней премьеры нас с тобой «поссорят». Вот как все премии закончатся, как раз будет время. Придется перетерпеть – сенсация будет, почти развод года. Фанаты наши поплачут, но со временем успокоятся, а мы пойдем дальше. Ты выйдешь замуж, конечно. Тебе же хочется. Не сразу, возможно, но обязательно за кого-нибудь хорошего. Я его как следует проэкзаменую, имей в виду – я очень строгий критик и первого встречного к тебе не подпущу. У тебя родится... ещё несколько детей. Сколько захочешь. Дочки, ты же всегда хотела дочек. Бобби будет их очень любить, а Нэнни, как обычно, обожать и воспитывать, вместе со своими внуками, они будут ровесниками. Вы будете встречать все вместе Рождество, День благодарения, все эти дела, и получится такой шумный маленький детский сад с большой ёлкой и заваленным всякой едой столом, через который все будут кидаться фантиками от конфет.

- А ты? – Гилберт как будто всматривался в только ему одному видимый телевизор, и Бруклин пыталась представить себе картинки, которые он описывал – и не могла. - А что будет с тобой?

- Со мной? Ну, наверное, тоже что-нибудь будет... - он покусал губы, обернулся в её сторону и снова уставился вверх. – Я всё-таки допишу когда-нибудь свой роман. И не только допишу, но даже издам его. И он станет бестселлером. Хотя удивляться этому не придётся – с моим именем бестселлером сейчас становятся даже трусы... А я напишу еще один. Или два. Или три. Сейчас у меня набросков хватит на целую эпопею. И когда-нибудь я смогу всем этим заняться. Даже до самых забытых своих замыслов доберусь, Брукс, когда-нибудь – честное слово! И буду писать сценарии. И снимать их. И сниматься в них. Возможно, даже попробую срежиссировать что-то, что написал сам. Кстати, и тебя приглашу. У нас же с тобой химия, там, физика, биология, все дела, у меня есть такие героини в паре вещей, ты идеально на них подходишь. Так что мы ещё поиграем вместе. Тут же всколыхнется пресса, будет писать дурацкие статьи, вспоминая, какими мы были молодыми и страстно влюблёнными, и ах, что же теперь сотворила жизнь с нами... А мы будем сидеть под навесом между дублями, пить чай со льдом и перемигиваться, вспоминая былые дни, подробности которых так, наверное, и останутся между нами.

- И что же – ты ни на ком не женишься?

- Не знаю... - он задумчиво поворошил на голове волосы. - Нет, наверное, женюсь всё-таки. Чем судьба не шутит, вдруг я полюблю кого-то опять без памяти. Буду изводить тебя фотографиями первых зубов своих многочисленных детишек, которых несомненно захочу наплодить в изрядном количестве. Супруга моя будет возмущенно шипеть, когда мы будем встречаться семьями, и ей придется наблюдать, как мы с тобой пикируемся и говорим на своём языке, шутками, которых больше никто не понимает... Может, я и разведусь с ней потом, кто знает. С любовью без памяти у меня напряжёнка. Я куплю себе домик на юге Англии, в Корнуолле, на побережье. Дети будут приезжать ко мне на каникулы. Мои чаще, а иногда и твои. Может, и ты будешь навещать, твой муж будет приезжать с тобой, и у вас будет спальня под сводами крыши, как ты любишь. А я буду писать свои тексты, сидя в кабинете с видом на океан... И время от времени ездить в Лондон. Ты же знаешь, я всей душой люблю Лондон, Брукс. Я пропишу в завещании, чтобы меня ни в коем случае оттуда не увозили.

- Фу, Гилберт, ну разве можно думать об этом! – возмутилась Бруклин и несильно стукнула его по плечу. – Ты так хорошо говорил, а закончил совершенно неприлично!

- Между прочим, именно этим все обычно и заканчивается.

- Не смей поднимать эту тему! Тем более перед отъездом! – Бруклин сама удивилась, отчего её так задели Гилбертовы слова. – Ты всего на пару лет старше меня – как ты можешь бросаться такими мыслями, как будто тебе девяносто лет!

- Возраст, мой юный друг Бруклин, это не количественная величина, а качественная, – поучительно произнес Гилберт, поднимая вверх палец. – Мудрость не связана с количеством прожитых лет. К тому же, когда пишешь роман, стареешь в три раза быстрее.

- Ты дашь мне почитать, когда закончишь? – подавив в себе желание чем-нибудь швырнуть в него, которое традиционно возникало, когда он напускал на себя маску умудренного опытом старца, Бруклин глубоко вздохнула, так и смотря на его светящееся в темноте лицо. – У тебя же наверняка так хорошо получится.

- Ты думаешь?

- Конечно. Ты же умный. И добрый. И ужасно занудный. Именно такие люди, мне кажется, и пишут хорошие книги.

Гилберт посмеялся, неуклюже пытаясь устроиться удобнее на жестком лежаке. Пластмассовые рейки уже устали красные следы на его бледной, лишенной загара коже.

- Хорошо бы, – кивнул он без улыбки и осторожно взялся за её коленку, выступающую с лежака. Бруклин только сейчас сообразила, что весь разговор нервно дергала этой ногой. – Особенно важен пункт про зануду.

Его тёплая большая ладонь приятно контрастировала с ночной прохладой. Бруклин не хотелось шевелиться, не хотелось отвечать, просто хотелось продлить это неторопливое, спокойное мгновение, когда они бесцельно валялись в своем фактически общем саду и вели разговоры, в которых было не слишком много смысла, но было едва уловимое, редкое чувство надежного взаимопонимания.

- Гилберт, я не хочу, чтобы когда всё закончилось, мы стали снова совсем чужими.

Почему-то стесняясь – хотя с чего бы ей стесняться дотрагиваться до него – Бруклин протянула руку и убрала с его лица влажные отросшие пряди. Он сморгнул, когда она дотронулась до его волос.

- А то знаешь, как мне иногда кажется. Что мы перестанем вместе работать, контракт закончится... и ты куда-нибудь исчезнешь. Не буквально, конечно, а так, незаметно. Станешь заходить всё реже, со временем перестанешь звонить. И я только из интернета узнаю, что ты издал свой роман. Мне станет неудобно приходить тебя проводить, потому что тебя либо не будет, либо ты будешь вдруг не один... И ты построишь забор. А мы постепенно станем, как старые знакомые. Встретимся случайно на какой-нибудь премьере, или встрече, или премии там. Ты меня спросишь – ну, как дела? Нормально. А у тебя? Да тоже нормально. Или как вот ты говоришь – штатно. Обрадуемся встрече, договоримся увидиться ещё как-нибудь – и не увидимся, потому что почувствуем, что нас больше ничего не связывает, и нам не о чем говорить.

Гилбертовы пальцы по-прежнему обхватывали её ногу. Где-то вдали залаяли собаки.

А что он сейчас скажет, вдруг испугалась Бруклин. Вдруг он заметил. Вдруг он вспомнил, догадался, надеялся, что больше такого никогда не повторится, и про себя порадовался, что совсем скоро жизнь так и разведёт их в разные стороны?

- Осторожней, Брукс, – сказал Гилберт со своим фирменным выражением, когда почти невозможно было понять, шутит он или говорит серьезно. – Как бы тебе не пришлось потом брать свои слова обратно.

Нет, подумала Бруклин. Конечно, нет. Как можно захотеть, чтобы чужим тебе стал человек, который знает все твои секреты. Который делился с тобой самым сокровенным, потому что не боялся тебе довериться. Который подставлял плечо каждый раз, когда был нужен, и не требовал объяснений, когда их не хотелось давать.

- Вряд ли. Меня ведь и Бобби начнет меня спрашивать, где ты. Почему ты не приходишь больше читать ему. Почему мы не ездим вместе отдыхать, как раньше. Когда тебя долго нет, он же почти сразу спрашивает, где ты.

- Ну что ж ты, неужели думаешь, что я способен просто взять его и кинуть? Что смогу просто так взять и перестать писать тебе о любой ерунде, которая мне приходит в голову? А лекарства я к кому притащусь кланчить, как заболею? Ты не думай, тебе так просто отмазаться от меня не удастся.

Бруклин с удивлением подумала, что она совсем не замёрзла. Или потеплело, или ветер изменил направление. Или она привыкла, пока по коленке вверх шло тепло привычно греющей гилбертовой руки.

- Мне правда очень не хочется, чтобы ты исчезал.

Гилберт улыбнулся и встал. Улыбка у него была такая, как будто он понял не только то, что она сказала, но и то, что она подумала.

- Послушай, а я хочу, чтобы ты меньше заморачивалась. И ценила поводы для радости, которые у тебя есть. Сможешь? Потому что я не хочу уезжать и думать, что ты тут сидишь и ешь себя поездом вместо того, чтобы наслаждаться жизнью.

В тишине с тревожной радостью пела какая-то птица.

- Как вернёшься, приходи к нам на ужин? Я буду ждать.

Он подумал о чем-то, и в темноте его голубоватые глаза казались совсем тёмными.

- Спасибо, я с удовольствием приду, - сказал он просто, а потом сразу же исправился: - Ну, то есть приду, если Нэнни будет готовить. Потому что если ты опять будешь ставить свои эксперименты на продуктах, я лучше пойду в Макдональдс.

- Ну иди, кто тебя держит. Встретишься со своими любимыми друзьями с большими фотоаппаратами. Они тебе устроят фотосессию с бигмаком, ты всегда о такой мечтал.

- Пообещай, что пока меня не будет, ты не изменишься настолько, чтобы встретить меня холодно и воспитанно, как чужого.

По сравнению с громким смехом его слова казались почти шёпотом.

- Пообещай, что не изменишься настолько, чтобы не захотеть приходить.

Гилберт нахмурился, и, кажется, так и хмурился, пока они обнимались на прощание.

- Хорошенького понемножку; я пойду работать, - шепнул Гилберт, повесив полотенце на шею. - И ты иди в дом. Не стой на ветру.

«Если он обернётся, значит, он тогда тоже почувствовал», - вдруг неожиданно для самой себя загадала Бруклин. Спина Гилберта бледным пятном выделялась в темноте. Что им делать с этими соседскими привычками, когда их жизни окончательно разделятся? Что скажет Бобби, когда Гилберт перестанет приходить играть с ним каждый раз, когда он попросит? Что почувствует она сама, когда Гилберт откажется читать Бобби сказку на ночь?

Бруклин стояла у двери, когда Гилберт остановился и обернулся, чтобы посмотреть на неё. «Что стоишь?» - спросил он взглядом и нетерпеливым кивком головы. Ну разумеется. Английское воспитание джентльмена сильнее него. В том, что девушка благополучно вошла в свой дом, он должен убедиться, даже когда они живут за двумя заборами, и их территорию охраняет целое подразделение охранников.

Шагнув внутрь, она помахала ему; махнув в ответ, Гилберт исчез в темноте.

Глава 7. "Что сам себе ответил". Часть 1

«Писательство – это призвание, от которого не уйти, и тот, у кого оно есть, должен писать, потому что только так он сможет одолеть головную боль и скверное пищеварение». Габриэль Гарсия Маркес

От книги «Холодный горизонт» Гилберт пришел в ужас.

В самолёте, по дороге в США, он прочитал её несколько раз. Сначала ознакомительно, целиком. Потом подчёркивая реплики и описания персонажа, на которого летел прослушиваться. Хотя тут же понял, что роли этой ему не получить никогда в жизни. Не вышел ни лицом, ни статью для «неземной грации» или «тела, как у мраморного Давида». Ха, да он скорее был полной противоположностью этого сказочно красивого, сказочно ловкого, не в меру самоуверенного парня, от взгляда которого девчонки складывались в хорошо организованные штабеля. Единственное, что Гилберт нашел в нём своего, было унылое занудство.

Да и во всем остальном книга оказалась отвратительной. Гилберт ясно увидел все её недостатки. Затянутая, бессобытийная исповедь закомплексованной девчонки. От повторяющихся по сто раз слащавых подробностей ломило зубы. От описания добродетелей главного героя главе к третьей начинало беспощадно тошнить. Из-за примитивного нелогичного сюжета в конце каждого эпизода охватывало непреодолимое желание выбросить книжонку из иллюминатора.

После второго прочтения, убедившись, что роли ему не видать, Гилберт смирился и даже похвалил себя за то, что не собрался прочитать этот бред до отъезда. Иначе точно бы не заставил себя поднять задницу и уехать из Лондона.

А потом взял ручку и стал пытаться исправлять этот текст.

Он же умел, он же научился этому когда-то; он же знал и раньше простой интуицией чувствовал, как именно должен идти вперед сюжет, как правильно выстраивать диалоги, выгодней подавать детали. Где были длинноты, он убирал их, заменяя многословные страницы двумя чеканными, чётко сформулированными фразами. Где слащавость зашкаливала до абсурда, придумывал саркастичную характеристику, развивающую образ вглубь. На последней странице, оставленной издательством «для заметок», набросал альтернативный сюжет, где каждый персонаж действовал в соответствии с неразвитым в книге конфликтом. Получилось, правда, грустно: влюбленные с мукой расставались в финале, а половину героев ждал безвременный печальный конец. Потому что счастливое завершение истории и так уже было написано, и Гилберт не верил в возможность такого полного, совершенно сериального хеппи-энда, которого дожидался каждый герой. Ну серьёзно – ну не бывает.

В приступе острой надежды Гилберт спешно открыл компьютер. Уже много месяцев он не мог связать ни строчки, и сейчас ощущение ёмких фраз и нужных слов показалось желанным, как кажется быстрый бег сломавшему ногу. Он же умел это, мучительно ныла внутренняя пустота. Он же делал это когда-то, когда-то совсем давно; ведь ему не приснились те ночи, когда до рассвета он сидел за компьютером, складывая из нужных фраз правильные тексты.

Но слова не слушались его, разбегаясь врассыпную под его пальцами. Единственно верное, что он мог сделать для своего текста, это нажать на кнопку удаления его с лица земли. Как будто он, как в детстве, пытался вылепить снеговика из пушистого неплотного снега – но любая фигура рассыпалась, превращаясь в снежную пыль, и он морозил себе кончики пальцев и плакал, опуская руки.

Как бы то ни было, поворачивать самолёт назад было нельзя – да Гилберт и не хотел назад. Иллюзия начала новой жизни несла в себе нечто утешительное. Он не был так наивен, чтобы не знать, что от себя не убежишь, и надеяться, что перемена мест сама по себе сможет залечить прошлые раны. Но, по крайней мере, было по-прежнему интересно узнавать что-то

новое, и нового было много. Как человек, впервые вышедший на улицу после долгой болезни, Гилберт жадно ловил впечатления от незнакомого, совсем чужого города, от улыбающихся странной улыбкой людей со смешным акцентом, от глупого, неправильного ощущения, что, приняв решение убежать от старого, он каким-то образом сможет хоть чуть-чуть привести в порядок свою сбившуюся с рельс жизнь.

Его агент времени не терял и послал на кастинг в многообещающий проект чуть ли не всех своих подопечных. Гилберт вовсе не был избранным – по крайней мере, таких избранных, отобранных после первого этапа лондонского прослушивания, их был добрый десяток. Им всем сняли в агентстве большую, светлую, по-настоящему американскую квартиру; Гилберт шутил, что попал в Зазеркалье, не иначе. Вместо сырого полутёмного крысятничка он оказался в роскошной спальне с окном во всю стену и с кроватью, которая по квадратным метрам превышала всю его прежнюю комнату. Вместо невысокого, уже лысоватого Стивена, похожего на пожилого хоббита, и их вечно небритых похмельных друзей теперь его окружали победители конкурса «самый видный мужчина мира». Это было как неожиданно оказаться в сериале, где несколько роскошных главных героев вместе поселились в шикарной квартире неподалеку от Голливуда и ждут, когда же начнется их блестящая карьера. Гилберт даже подумал, что, если бы это случилось раньше, он бы написал сценарий. О том, как пятеро, например, красавчиков завоевывают Фабрику грёз. Главным в этом сценарии был комедийный элемент, завязанный на шестом герое – незадачливом увальне с вечно развязанными шнурками, который волочится за своими роскошными друзьями и постоянно попадает в идиотские ситуации.

Гилберт ненавидел завязывать шнурки. Они всё время развязывались обратно.

В принципе, он даже не был уверен, что ему стоит идти на кастинг. Была охота позориться на весь свет. Он разве что ростом не уступал остальным членам этой британской секс-команды. Его типаж терялся среди остальных – затмевали шикарные брюнеты, накачанные блондины, умопомрачительный гибкий юноша с золотыми кудрями и глазами цвета морской волны. Гилберт впервые видел такой цвет глаз и довольно внимательно его разглядывал, о чём впоследствии пожалел. Ясноглазый Аполлон воспринял интерес Гилберта весьма однозначно и не раз намекал на желание познакомиться с ним поближе.

Гилберт избегал его, как мог.

Как бы то ни было, на кастинг он пошёл. Их разделили на две части, и в назначенный день он заявился в студию, в основном для того, чтобы посмотреть, как на самом деле проводят кастинги в настоящем Голливуде. Он по-прежнему жадно стремился узнать и попробовать как можно больше; как в детстве, когда только решил, кем хочет стать. Мало ли – вдруг когда-нибудь он всё-таки сможет написать об этом... Или же расскажет кому-то, кто будет моложе и талантливее него, кто не потеряет так же бездарно своей счастливой способности создавать тексты.

Давненько Гилберт не чувствовал себя настолько не в своей тарелке. Всё происходящее казалось ему сюрреалистичным, странным, как если бы он попал на картину Дали. Ночью накануне он почти не спал – часовые пояса хронической бессоннице не помогали, да и мысли лезли одна другой горше. От американской еды снова болел живот, а от волнения сердце стучало где-то в голове, а не там, где ему положено. Гилберт плотно пообедал успокоительными и лекарствами от желудка и на студии сидел, как под кайфом. Волнение с болью таблетки не уняли, а рефлексy притупили здорово.

Сценарий фильма оказался не то чтобы совсем плохим. Наоборот, по оценке Гилберта, им удалось насколько можно завуалировать слишком явные недостатки слабого первоисточника. Он бы, правда, написал лучше, если бы только мог, но ведь он не мог. Почему-то от этого было по-прежнему так обидно, словно проклятая немота тоже болела у него внутри.

Режиссёра Гилберт знал плохо. Брал в прокате пару её фильмов в порядке изучения матчасти, но ни один до конца так и не досмотрел. Засыпал на середине из-за их подчеркнутой

бессобытийной гармоничности. Знал только, что фильмов у неё много; что зовут её Маргарет и что она заявила, что будет искать подходящего актёра для сказочного красавчика, «даже если придётся обыскать весь мир». Замечательно; юношеский максимализм давно заставлял Гилберта чувствовать себя прожжённым, умудрённым жизненным опытом циником. Пусть ищет. Ей же хуже.

Вроде как известна была и исполнительница главной женской роли. На неё утвердили восемнадцатилетнюю дочь Авроры Миллер, оscarоносной нашумевшей актрисы, чьё имя говорило само за себя и было на устах у всех, кто любил и разбирался в кино. Фильмы с самой Авророй Гилберт мог пересматривать бесконечно, а вот на дочку посмотреть не успел. Достаточно было и того, что она была «дочкой». Как и того, что в один голос с режиссёршей она во всех интервью вопила, что для «Холодного горизонта» они будут искать актёра, пока не найдут идеал. Да хоть общитесь, хмыкал Гилберт. Кто вам мешает-то.

Да и кому там нужен идеал, глумился он, пока ожидал своей очереди и старался отвлечься от сонливости и рези в желудке. Роли-то там – счастливо-несчастные влюблённые из второсортной сказочки для самок. Встретятся, влюбятся, пострадают и уйдут в закат. «Дочки» да златокудрого прельстителя с глазами цвета морской волны более чем достаточно. Все школьницы утонут в розовых соплях.

Чем дольше он думал, тем больше его подмывало плюнуть и уйти. Прослушиваться последним из британского секс-парада, где у каждого красавчика было уже фильмов по десять, Гилберт не видел смысла.

Иногда он с интересом думал теперь, что бы с ним стало, если бы он ушёл.

Маргарет была похожа на маму. Это было первым, о чём он подумал, когда вошёл в комнату. Высокая, статная блондинка, она радушно приняла его, как родного, со всех сторон ощупала и посадила пить чай. Ну-ну, подумал Гилберт, если они распивали чай с каждым претендентом, неудивительно, что его так долго мариновали в ожидании. «Расскажи нам, чем ты занимался вчера», - соловьём заливалась режиссёрша, как будто была психотерапевтом, а не проводила кастинг. Пару месяцев назад мама заставила Гилберта пойти на подобную душевную встречу – он пошёл только для того, чтобы с ней не спорить – и вот там пришлось отвечать на такую же ерунду. «Что ты думаешь о своей жизни?» «Что сможешь привнести в своего героя?» «Какую сцену из сценария тебе хотелось бы сыграть в первую очередь?»...

Гилберт чуть ли не в лицо ей начал смеяться над её вопросами. И отвечал поэтому честно, не боясь. О своей жизни я думаю, что она – борьба. Выражаясь мягко в присутствии дамы. С чуваком этим меня роднит только то, что я так же занудно умею выносить мозг молодым девушкам – только они не валятся к моим ногам, я же не книжный герой. И сцену я хочу сыграть ту, где герои расстаются во имя светлого будущего. Во-первых, там хоть есть, что играть – в остальных эпизодах надо только красиво ходить и махать ресницами. Во-вторых, я согласен, что девчонке будет без него лучше – он невротик и тиран. А в-третьих, это, кажется, единственный сюжетный поворот из всего двухчасового фильма.

- Ты свободен сегодня вечером? – неожиданно спросила Маргарет, когда Гилберт выполнил по её просьбе десятки проб перед камерой, прочитал ей по ролям полилог персонажей на восемь, поделился жизненной философией и предложил самому заварить чай, раз уж у них такое милое чаепитие. – Я хочу, чтобы мы с тобой кое-куда съездили.

У неё были мягкие, странные интонации, когда она звонила кому-то и предупреждала об их приезде. Гилберт был слегка разочарован: надеялся отправиться в шикарную квартиру и наконец разлечься на кровати размером с космодром.

- Я хочу, чтобы ты познакомился с исполнительницей главной роли, - как бы между делом сообщила Маргарет, когда они сели в машину. – Для этого мы должны отправиться ко мне домой. Я обещала, что последнее слово о партнёре останется за ней.

- Вы что, возите к ней всех претендентов?

- Нет. Только тех, кто мне понравился.
- И много таких – тех, кто вам понравился?
- Мало. Поэтому постарайся сосредоточиться.
- Офигеть, - усмехнулся Гилберт и неожиданно заснул, успокоенный чёткими движениями Маргарет за рулём. Она все время улыбалась, глядя на него в зеркало заднего вида. Или, по крайней мере, так ему казалось сквозь сон.

Глава 7. "Что сам себе ответил". Часть 2

А вот эта сцена могла бы попасть в сериал, думал Гилберт, когда вышагивал по бархатному газону во влажной калифорнийской ночи по направлению к бунгалу Маргарет. В темноте уютно, будто в сказочной избушке, светило одно-единственное окно.

На этом этапе Гилберт пожалел, что хотя бы бегло не проглядел фильмографию «дочки», неожиданно обширную, несмотря на её молодость. Не то, чтобы это было очень важно, но ведь сейчас придется знакомиться, а она наверняка окажется заносчивой ухоженной заучкой, которая уже выучила наизусть весь сценарий и под каждую фразу подобрала аллюзию из арт-хаузного кино. Впрочем, могло быть и хуже. Даже больше было шансов, что в фильмах её выбирают по матери, и тексты она не учит из принципа. Тогда это будет избалованная, капризная инфанта, убеждённая, что, если ей захочется, она может изменить сценарий «Ромео и Джульетты» на хеппи-энд.

В общем, к тому, что его ожидало, Гилберт был не готов.

Он-то по наивности ожидал увидеть девочку, подобранную за сходство или хотя бы созвучие с образом, который ей предстояло играть. Проходящая путь из отличницы в королевну героиня «Холодного горизонта» была нежной, ведомой и очень верной. Всю первую книжку она в основном читала в одиночестве книжки и пунцово краснела под мужскими взглядами, а впрочем, и под любыми взглядами вообще. В реальности таких девушек, конечно, не осталось – спасибо, это он уяснил – но по его представлениям, они должны были подобрать хоть отдалённое подобие такого артефакта. Взрослая, спокойная девчонка, умеющая читать между строк и отличать настоящее от фальшивого... Привыкшая думать задом наперед поклонница Джейн Остин...

Во всяком случае, он почему-то не предположил, что впервые полюбившую робкую героиню будет играть жёсткая, зло смотрящая женщина с тёмными глазами, которая исподлобья впивалась в собеседника острым не улыбочивым взглядом, ругалась, как сапожник, поджимала губы, как завуч, а ещё была глубоко и несомненно беременна.

Гилберт думал, он прямо там сейчас и хлопнется в обморок. Маргарет ласково, совершенно по-родственному обнимала незнакомку – и как не боялась, что та её укусит – кратко расписывала все встречи сегодняшнего дня и представляла Гилберта, давая ему характеристики, от которых он подумал, что она перепутала и взяла чужое досье.

Ошалело моргая, он по-идиотски переминался с ноги на ногу и всё придумывал, что бы такое сказать, когда острый взгляд вонзился в него, как жало. Рентгену по степени просветки было до этого взгляда далеко.

- Привет, - он попятился, когда «дочка» подошла к нему и без улыбки протянула руку. – Я Бруклин Бريدж.

По впивающимся глазам и воинственно выставленному вперед подбородку Гилберт понял: главный кастинг ждал его здесь. Если сейчас он отпустит какую-нибудь шутку, позволит себе улыбнуться или начнёт задавать вопросы, то в лучшем случае эта воинственная дамочка его кастрирует, а в худшем – закопает под бархатным газоном его останки.

- Гилберт Тауэр, - бесстрастно представился он, осторожно пожимая её маленькую аккуратную ладонь. – Лондонский Тауэр.

Холодные глаза несколько секунд внимательно блуждали по его лицу, и он сознательно не отводил взгляда.

- Проходи, Гилберт. Давай попробуем порепетировать.

И это был первый раз, когда они друг друга поняли.

То есть, если бы это был роман, думал Гилберт, то эту сцену он закончил бы именно этой фразой.

Им вдвоём ещё столько предстояло узнать в следующие несколько лет. Они проводили вместе часов по двадцать в день; они спорили, ругались, доказывали друг другу свою правоту и демонстрировали друг другу свои ошибки; они изводили друг друга шутками и ругали за неспособность сосредоточиться. Вдвоём они наблюдали, как необратимо меняется их жизнь, и обсудили друг с другом всё, что в этой жизни знали; они увидели друг друга в любых состояниях и настроениях и научились вести себя так, как эти состояния и настроения предполагали. Они могли друг друга не одобрять или, наоборот, восхищаться; удивлять друг друга или казаться страшно предсказуемыми. Не случилось между ними пока только одного: чтобы они друг друга не поняли.

И если бы это был роман, Гилберт бы написал, что в тот момент такое понимание было, наверное, самой удобной вещью для них обоих. Что они так ждали его, что сначала даже не сумели обрадоваться, обретя.

Маргарет с Бруклин были страшными трудоголиками; это Гилберт понял сразу же, как они начали репетировать. Сначала они долго обговаривали что-то о сценарии, сидя в гостиной типично американского, просторного дома; к его полному удивлению, они то и дело кивали на его идеи о персонаже, которые он саркастически высказывал, думая, что шутит. Маргарет была с ними по-матерински нежна и при этом следила, как львица, за каждым их движением. Гилберт понял, что мысленно она уже сыгрывает их, представляет себе перед камерой. Бруклин то и дело ворчала, обиженно и злобно, всё время смотрела на него, и он ёжился под её тяжёлым взглядом. Он думал, сейчас соберется народ, оценивать их репетиции, но этими двоими, кажется, вообще никто не интересовался. Маргарет демонстративно отключила домашний телефон. Бруклин постоянно вертела в руках мобильный и то и дело проверяла его, но Гилберт так ни разу и не видел, чтобы он подал хоть какой-нибудь сигнал.

Репетировать они пошли уже в ночи, выбрав для ключевой сцены большую кровать в спальне Маргарет. Нервно теребя в руках изрядно помятый уже сценарий, Бруклин взгромоздилась на подушки; у неё был усталый, погасший взгляд, когда она убирала со лба непослушные волосы. Предстояло играть одну из поворотных сцен всего фильма, и Гилберт не на шутку нервничал. Как, скажите на милость, он будет изображать идеального принца на белом коне, влюблённого в наивную школьницу, если самому ему до смерти хочется спать, а в любви надо признаваться этому познавшему все горести жизни недоброму бегемоту?

- Почему ты так возненавидел меня, когда мы впервые встретились? – произнесла Бруклин, осторожно поднимая на него глаза.

И неожиданно все вопросы куда-то пропали.

Как идиот, Гилберт застыл рядом с кроватью, забыв о сценарии в руках. Хватило одного взгляда, и он оказался не там, где стоял на самом деле; почувствовал себя не тем, кем всю жизнь был. Это было не просто актёрство, когда ты долго обдумываешь персонажа, а потом долго встраиваешь то, что чувствуешь, в такую же обдуманную игру коллег. Это было похоже на вспышку, на лучшую в мире идею, на большую волну. Всего одна секунда, и он оказался в новом, более счастливом мире. Всего одна секунда, и жизнь вокруг перевели на новый премиум уровень.

Бруклин смотрела на него, и строчки сценария оживали с её голосом. Никогда Гилберт раньше не играл ни с кем, кто умел переключаться между мирами так быстро и так полноценно. Гилберт подался к ней вперёд, даже не подумав противиться первому порыву утешить её, защитить от терзаний и разочарования, сохранить её такой влюблённой, доброй, ещё не познавшей ни одного предательства и обиды. Он был в её глазах чудом, красотой из другого мира, прекрасного и чужого; она признавалась ему в любви и теми же словами навеки прощалась с ним. Всепроникающая грусть от крушения её чистых надежд вызывали боль, как вызывает у оторванного от родины изгнанника забытая колыбельная матери, сыгранная на чьей-то

далёкой скрипке. С радостью необъяснимой и неожиданной он понимал каждый оттенок того, что чувствовали они оба, и нырял в это понимание с жадностью и восторгом.

Но дело было не только в Бруклин. Пока он, запинаясь и запыхавшись, как после долгого бега, нащупывал голос своего персонажа, сама история этих героев тоже показалась ему другой. Исчерканные его непутёвыми исправлениями поля измятой книжки заплясали перед глазами, пока Бруклин протягивала ему руку, и всё встало на свои места, всё, что он не смог понять в этом тексте и пытался исправить, не заметив крившегося в нём смысла.

Этот текст был не такой, как все; его нельзя было рассматривать под лупой и оценивать по научным критериям. Все его недочёты, длинноты и слащавые повторения были всего лишь деталями, за которыми он не смог увидеть суть, а увидел только теперь. Это был текст, в который хотели верить те, кто доверился кому-то и был отвергнут. Это был текст, в котором хотелось жить, укрыться и зализывать раны, которые нанесла реальность. Это был текст, создававший новый мир, в котором всё было так, как мечталось в детстве, и у каждого был друг, родственная душа и счастливый конец. Текст, который помогал от тошноты и безнадёжности, как лекарство. Текст, который мог повернуть время назад, расставить всё по местам, не дать совершить прошлых ошибок – и давал надежду на то, что эти ошибки удастся исправить.

В этом тексте была та магия, которую он потерял. И в том, как хмурая женщина с тёмными глазами доверяла ему придуманные секреты, была магия. И в том, как они чувствовали друг друга, была магия, и магия была повсюду, и казалось, что пока она здесь, нет ничего, что нельзя было бы исправить и залечить.

- Ты не представляешь, как долго я ждал тебя, - выговорил он, несмело целуя её сложенные на животе руки. Бруклин переплела их пальцы, и было так хорошо; он так давно ждал с кем-то такого полного, счастливого понимания. Они улыбались друг другу, и всё казалось таким близким – его былые радости, покинутые надежды, та магия, которую он потерял.

- Маргарет, дальше такой убогий текст, что у меня зубы сводит, - Бруклин высвободила руки и перелистнула сценарий, и Гилберт поспешил сделать то же самое. Когда он поднял глаза, она снова была тёмной, угрюмой, ненавидящей всех вокруг, начиная с себя. – Давай попробуем другой эпизод, Гилберт. Из начальных. Не против?

- Я за, - ответил он. Спать хотелось по-прежнему, затекла спина и болел живот. Не обращать внимание на всё это оказалось непривычно просто. Только что он об этом забыл, как будто этого не было. Гилберт даже не чувствовал, что играл что-то. Ни с одним партнёром он раньше не чувствовал такой окрыляющей, обманчивой силы, ни с кем ещё не ощущал этой гулкой творческой радости. Актёрского умения Бруклин с лихвой хватило бы вытянуть обе их роли и ещё с десятков ролей сложнее; но он не поддавался её манере, а встраивал её в свою, и от этого казалось, что вдвоём они могли сыграть что угодно. – Выбери, какой хочешь. Мне понравилось.

Она кивнула, тяжело смотря на него усталыми глазами.

Глава 7. "Что сам себе ответил". Часть 3

Они репетировали до глубокой ночи, уже не для кастинга, а для удовольствия, перебивая друг друга в веселых импровизациях и замирая в сладковато-горьком томлении ключевых сцен, которое было таким настоящим, что его не хотелось отпускать. Закончили только тогда, когда Бруклин заснула, свернувшись клубком на измятых подушках, и Гилберт понял, что он совершенно обессилел от их полунаписанных, полупридуманных на месте диалогов. Маргарет ни с того ни с сего долго обнимала его, снова напомнив маму, которая по очереди обнимала на ночь каждого из своих детей.

Почти весь следующий день Гилберт проспал в гостевой комнате в бунгало Маргарет; периодически порывался, но никак не мог окончательно проснуться – давно он не спал так глубоко и крепко. Что-то здесь напоминало ему дом, хотя ничего похожего не было совершенно. Светлый солнечный простор, удобный минимум мебели и глубокая тишина, такая незнакомая для того, кто привык слушать ночами шум большого города – от всего этого веяло чем-то новым, незнакомым и смутно хорошим. Неожиданно спокойно выпавшись в уютной спальне, Гилберт наконец поднялся, чуть поплутав, по запаху кофе не без труда нашел кухню, и Бруклин деловито пододвинула ему завтрак, тут же отвернувшись.

- Маргарет ушла на встречу с продюсерами. Наказала мне не дать тебе уйти и заставлять поесть всеми возможными способами, включая садистские.

Неожиданно оголодавший, Гилберт не дал предложения для крайних мер. Непонятная запеканка из чего-то вкусного и румяные блинчики исчезли с рекордной скоростью.

- В США вкусно кормят и отлично спится, – ляпнул он просто так, чтобы разогнать тишину. Бруклин хоть и жевала рядом с ним – он уничтожил штук десять блинов, а она все ещё клевала один блин-мученик – но всячески старалась показать, что разговоров за столом не поощряет. – Теперь я понимаю, почему все так хотят в Голливуд.

- Не обольщайся, ты просто плохо пока знаешь Маргарет, – без улыбки сообщила Бруклин, поднимая на него глаза и сразу же опуская взгляд. – Она заманивает тебя в свой роскошный отель, а потом мучает оптимизмом и пытается едой.

- Я знавал пытки и похуже. Операми Вагнера, например.

- Ты так говоришь, потому что сегодня она не включила в пять утра буддийскую музыку для медитаций.

- А ты давно мотаешь срок?

- Недавно, – она откинулась на спинку стула, отодвигая тарелку, как будто не в силах была доесть эту огромную порцию в пол-блина. – Мне отсюда путь уже заказан, а сейчас она примется за тебя.

- Может, нет. Может, сейчас все продюсеры скажут ей, что этот актёр не подходит, и где она нашла такого уroda.

- Все уже знают, что мы не будем работать ни с кем, кроме тебя, – сообщила Бруклин, не поднимая глаз.

Гилберт заварил им обоим чаю, а пока они молчали, с интересом смотрел при дневном свете на её лицо. Природная угловатость её лица была чуть сглажена беременностью, и за завесой густых волос почти не было видно убитое выражение её глаз. Он не мог сказать, казалась ли она ему красивой или нет. Казалось бы, всё для красоты точно было при ней, но она так старалась сделаться незаметной – безуспешно – что и красота её как будто стеснялась самой себя.

- А когда мы будем украшать твою темницу голубыми шариками?

Бруклин вздрогнула, как будто он её ударил, и все остатки красоты совершенно исчезли под маской несчастной озлобленности.

- Ладно, ладно, можешь не говорить, если не хочешь, - тут же дал задний ход Гилберт. – Я просто обожаю шарики воздушные. Думал, будет предлог закупить и поиграться с ними. Не всё ж мне принца на белом коне играть.

- Откуда ты знаешь? – буркнула Бруклин, не поднимая взгляда.

- Что мальчик? А я всегда знаю. Не знаю, как. Просто чувствую. Про дочку друга точно знаю, про сына сестры заранее знал. Может, конечно, я пятьдесят на пятьдесят угадываю, но ещё ни разу не ошибся.

Бруклин сглотнула, а потом с усилием втянула через нос воздух. Гилберт всегда делал так же, когда боролся с тошнотой.

- Не ошибся, - неохотно бросила она.

- Ты тоже девочку хотела, да? Точно как сестра моя. Не расстраивайся, мальчики же лучше! Им можно покупать радиоуправляемые вертолёты и конструкторы «Лего» в неограниченном количестве.

- Это твоя старшая сестра?

- Младшая. Ей восемнадцать, как тебе.

- Мне девятнадцать.

- Да? Я бы сказал, что ты выглядишь младше, но...

Брови у Бруклин чуть дернулись, как будто она обрадовалась. Злобно прищурилась, впинаясь в его спокойный, заспанный взгляд. И отвернулась, то ли найдя, то ли не найдя подтверждения своим мыслям.

- Ты специально прилетел ради роли?

- Роли... Или нет. Не знаю, - он неопределенно пожал плечами. – Не хочу возвращаться. Бывает, знаешь... когда всё вокруг напоминает только об одном, и хочется бежать и спрятаться от этого куда подальше.

- Как это бывает, можешь мне не рассказывать, - серо-зелёные глаза Бруклин вдруг посмотрели прямо на него, и в них было столько страха не оправдать собственных ожиданий, что он как будто взглянул в зеркало. Смотря на собеседника, она продолжала буравить ненавистью саму себя.

Гилберт молча взял ещё один блин. После целой ночи репетиций он, по крайней мере, уже почти не боялся ее показной свирепости.

- А кто пытал тебя оперой? – вдруг спросила она.

- А, это мы на школьных каникулах гостили у моего друга. Его бабушка с дедушкой фанаты Вагнера. Они с утра до ночи ставили оперу на полную громкость, а за обедом устраивали викторины по либретто. Если ты плохо знал матчасть, вечером тебя заставляли прослушать всю оперу ещё раз и не отпускали играть в футбол.

- Какое ужасное детство, - откомментировала она бесстрастно, и Гилберт во весь голос рассмеялся и почему-то понял, что, хотя сейчас Бруклин совсем не засмеялась и почти не улыбнулась, ему совсем не сложно будет её рассмешить.

Маргарет пришла, когда он мыл посуду после позднего завтрака. У неё уже все было решено, все готово и продумано, и от её кипучей деятельности у Гилберта кружилась голова. Она обрушила на них лавину своих мыслей о решении той или иной сцены, маркетинговом бюджете, способах улучшить удачные продюсерские идеи и обойти неудачные требования; озвучила примерное расписание съёмок, как будто завтра собралась уже приступить. Гилберт слушал её, пытаясь поспеть за её темпом, Бруклин вертела в руках молчащий телефон и не смотрела никому в глаза. Гилберт понял только то, что роль он получил, и то, что Бруклин попросила никому не рассказывать о том, что он здесь видел. Понял, что Маргарет болеет этим проектом, как могут болеть своей идеей увлекающиеся люди, что каждый день она читает отрывки из «Холодного горизонта», когда ложится спать, а тисканная-перетисканная книжечка не вылезая живет в её сумке. Понял то, что Маргарет Бруклин не мама, но обращается с нею,

как с дочерью; что Бруклин живет в её доме и больше, кажется, ни с кем не общается. Понял, что они очень долго искали ей партнёра, и очень обрадовались, что нашли.

- С вами двоими, ребятки, у нас все получится! – ликовала Маргарет, рассказывая о своих многочисленных планах. – С вами двоими у нас всё будет прекрасно.

Гилберт вернулся к себе в квартиру поздно, когда уже снова было темно. Секс-десант был дома – как раз обсуждалось, куда пойти тусоваться. Он не сказал им, что получил роль – отчего-то не смог. О том, где он был ночью, не сказал тем более. Соврал, что встретил в баре девчонку и был с нею в её квартире...

Ту ночь он запомнил на всю жизнь. Ребята порасспрашивали его о несуществующей пассивности, он наплёл им что-то, что пришло в голову, и пошёл к себе – после всех впечатлений остро требовалось побыть наедине с собой. Секс-десант наконец выбрал себе клуб, и привычный гул мужских голосов затих. Старенький, довольно-таки убитый от слишком частого использования компьютер долго пытался, пытаясь словить неверную общую сеть вайфая.

Гилберт пил чай и смотрел в окно; по-прежнему новый пейзаж большого чужого города расцветивался длинными линиями огней. Меньше недели назад он был в Лондоне. Засыпал на лекциях в колледже, ходил на ковёр к своему агенту и ворочался по ночам от бессонницы в измятой постели крысятника. Если бы ему сказали, что на четвертый день своего пребывания в Голливуде он будет обсуждать главные роли с курирующим многообещающий проект режиссёром, он бы рассмеялся этому человеку в лицо, дословно приведя слова из прощальной отповеди Оливии.

Оливия. Сколько усилий он ни прилагал, он по-прежнему постоянно видел перед собой её лицо. Сколько бы ни старался, ассоциировал с нею любую деталь, даже то, что никогда и близко не было с нею связано. Изживал и старался избавиться от этого, как от настырной болезни – но что бы он ни делал, все равно в конце концов понимал, что по-прежнему очень, очень болен.

Гилберт сел на ковёр, чтобы хорошо видеть панораму ночного Лос-Анджелеса. Крысятник был крысятником, но там хоть письменный стол стоял – в этом павильоне реалити-шоу про роскошную жизнь о письменном столе наверняка не слышали. Горячий ноутбук грел ноги даже через джинсы.

Сначала он думал, это будет просто абзац. Ключок, огрызок, как все прошлые годы. Потом ключок стал приобретать более законченную форму; Гилберт заново увидел прежний конфликт и знакомый способ его разрешения, увидел вглубь каждого человека, который появлялся в тексте, предугадал, как каждый будет вести себя и что станет с каждым из них в конце. Как в лихорадке, увидел дорожку, которая вела к финалу, и, сам не веря себе, почувствовал в себе силы пройти этот путь от начала до конца, встретиться с каждым из людей, которые появлялись на этом пути, и помочь каждому из них дойти до точки в своей истории. Строчки путались в голове, пальцы не успевали выстукивать мысли, атакующие воображение. Как будто кто-то убрал заслонку, и всё, что копилось и томилось и тосковало, не находя выхода, валом вырвалось наружу, устремившись к свежему воздуху.

Это было как откровение после невежества, как симфония после глухоты, как счастье после безвкусного существования без надежды на радость. Гилберт боялся пошевелиться, боялся встать за водой, боялся переменить позу, чтобы не спугнуть чудо, которого уже не ждал и на которое больше не смел надеяться. Всё, что раньше делало его собой, все образы, которые он видел, то чувство текста, которое он старался развить и думал, что навсегда потерял – всё это по-прежнему жило в нем, по-прежнему позволяло чувствовать смутную, копящуюся где-то силу, которую он мог обрушивать на чистый лист электронной бумаги. Долгие годы немоты как будто оттягивали резинку рогатки, чтобы выстрелить сейчас, когда он совсем было отказался от себя, когда он уже совсем готов был сдаться и камнем пойти на дно собственной обыкновенности.

Взошло солнце, перешло в зенит, стало клониться к закату, а Гилберт всё сидел, временами прощупывая в голове текст, словно бы боялся, что стоит отвлечься, и всё снова начнется заново. Но немоты больше не будет – он знал это, чувствовал это и поклялся в этом себе самыми важными своими святынями. То, что делало его собой, он больше никому не отдаст. Никому не позволит заставить себя сомневаться в своей силе. Даже если его текст никогда не будет завершён, даже если он никогда не увидит свет, даже если никто, кроме него, никогда не прочтёт его. Он будет писать, чего бы это ни стоило; он будет писать, пока может, и никому не позволит отобрать у него его собственное, выстраданное счастье. У него будет его собственный мир, его собственные друзья и счастливый конец. У него будет его магия, от которой будет лучше жить ему, а может быть, и кому-нибудь другому тоже. Он больше никогда не будет один.

Глава 8. "Увидимся скоро". Часть 1

«Другим говори, нашу тайну храня, Что нет тебе дела совсем до меня. Но, даже путя, берегись, как огня, Чтоб кто-то не отнял тебя у меня». Роберт Бёрнс (перевод С.Маршака)

- Вот так. Воспитываешь вас, воспитываешь... С таким же успехом можно было бы и рукой махнуть. Ну как вы себя ведёте? Быстро мыть руки и за стол!

Бруклин отвлеклась на строгий голос Нэнни, и Бобби воспользовался моментом и снова начал её щекотать. Они уже с полчаса всё валялись на ковре, возились, бесились и вели себя в высшей степени невоспитанно. Ещё неизвестно, кто из них громче визжал от восторга: Бобби или она.

- А мы не можем за стол, мы ждем Барби.

- Его машину только что пропустили, он едет от ворот. Ну, приводите себя в порядок! Безобразиие...

Нэнни сокрушенно взмахнула руками и снова сделала вид, что недовольна. На самом деле было наоборот; Бруклин знала её выражения лица, как свои пять пальцев. Такой тон она выбирала всегда, когда в глубине души одобряла что-то, что выходило за рамки строгих приличий. Во всяком случае, шумная возня и перестрелка из водных пистолетов прямо в гостиной под понятие «строгое воспитание» подходило слабо. Дожидаясь, пока в гости приедет приглашённый к ужину друг, Бруклин с Бобби заняли стратегические укрепления по разные стороны дивана и по очереди пытались обхитрить друг друга неожиданными манёврами. Поле битвы было усыпано игрушками и безвременно павшими фигурками мультяшных героев, которых Бобби ревностно коллекционировал. Нэнни застала их в самом разгаре схватки, когда опустевшее оружие уже было брошено, и они сцепились в жаркой рукопашной на полу, сменив амуницию на диванные подушки. Бобби был в полном восторге и, пока они переодевались, всё время повторял, что завтра он хочет взять реванш.

- Мам! А Барби останется после ужина?

- Останется. Он уедет только завтра после обеда.

- А Нэнни с Дэннисом уже вернутся?

- Нет, они улетают на неделю, помнишь? У мамы Нэнни юбилей.

- А Гилберт?

- Гилберт пока работает, Бобби. Он ещё не скоро приедет.

Бобби с младенчества привык, что все вокруг вечно куда-то едут, и всегда старался чётко выстроить порядок отъездов и приездов. Он и сам часто уезжал, но, когда совсем долгих съёмок не было, Бруклин всё же старалась чаще держать его дома. Он ходил в группу частного детского сада, и ей казалось важным, чтобы он понимал разницу между жизнью «дома» и «рядом с мамой, когда она работает». А этим летом ей и самой хотелось проводить каникулы, никуда не отлучаясь. Всех немногочисленных друзей, с которыми ей хотелось увидеться, она настоятельно приглашала к себе домой.

- А ты? Ты пока не уезжаешь, мам?

- Нет, Бобби. Я пока буду с тобой.

— Это хорошо, - торопясь скорее встретить Барби и Дэнниса, которые всегда с удовольствием устраивали друг с другом бои без правил ему на потеху, Бобби коротко и крепко прижался к ней влажной после битвы головой. — Я люблю, когда ты не уезжаешь, мам.

Бруклин иногда почти пугалась от того, как она любила быть дома. Самые незначительные детали, сущие мелочи казались ей невероятно ценными, и дни, которые она целиком проводила у себя, она отмечала в ежедневнике красным цветом, как праздник. Она всей душой любила свою работу, получала удовольствие от атмосферы съёмочных площадок, от процесса

создания персонажей и командной работы, от чувства принадлежности к тому миру, о котором так безнадежно мечтала в детстве. Стоило зажечься софитам, и в ней просыпался ненасытный трудоголик; хотелось работать, работать как можно больше, добиваясь до победного лучшего из возможных результатов. Ей нравилось находиться в центре внимания, нравилось играть со зрителями, а больше всего - в очередной раз осознавать в себе странную, необъяснимую актёрскую силу каждый раз, как режиссёр говорил «мотор».

Но после работы чувство дома казалось ещё незаменимее. После съёмок и публичных мероприятий не хотелось не переживаний, ни адреналина, ни чужих взглядов, и так приятно было наслаждаться тем, что по праву можно было назвать её собственной жизнью. Тёплым покоем в собственном доме, где открыты все двери, а входная надёжно отгораживает от внешнего мира. Уютной расслабленностью выходного дня, когда не нужно принимать никаких решений. Нарочитой обычностью ничем не примечательного ужина.

Вернувшись из Франции, Бруклин позволила себе полностью сосредоточиться на своих домашних радостях. Перерывы между проектами выдавались нечасто, и тем больше ей хотелось ловить момент. Она отвозила Бобби в детскую группу и ждала его после занятий, с радостью распахивая ему дверь тонированной машины, когда он с такой же радостью бежал к ней из толпы других детей. Она с удовольствием возилась на кухне и радовалась, что знает, что её ребёнок ел на завтрак, обед и ужин. Она подключалась во все его игры и проверяла его домашнее задание по математике, укладывала спать и будила на следующее утро. И когда он тянулся к ней, шумно возился рядом и спрашивал, точно ли она не уедет на работу завтра, Бруклин казалось, что больше ей не нужно ничего на свете.

- Бруклин, милая Бруклин. Спасибо. Эти сутки были самыми приятными и продуктивными с самых новогодних каникул.

- Не смущай меня, Барби. Так хорошо, что ты выбрался. А Бобби-то как был рад. Я давно не видела его в таком восторге, как когда вы с Дэннисом вчера демонстрировали ему все боевые искусства мира.

- А уж я был в каком восторге. Я почти смог одолеть твоего непобедимого телохранителя!

Белозубая улыбка Барби казалась совсем ослепительной на вечернем солнце. Бруклин не видела его несколько месяцев – они вместе снимались в фильмах «Холодного горизонта», а потом праздновали Новый год в компании Гилберта – и после разлуки он казался ей повзрослевшим и погрузневшим. Она переживала, что вечно вешала на всех свои переживания, но сейчас была спокойна – всё время, пока Барби гостил в её доме и не играл с Бобби, они обсуждали свои переживания и проблемы, радуясь, что им есть, с кем их обсудить.

- Ты приезжай ещё. Лето же длинное. Можешь остаться в гостевом домике на той стороне. Будем сидеть там на веранде и раскладывать карты Таро на своё невесёлое будущее.

- Да, в этот домик меня уже приглашали. Вы с Гилбертом вечно говорите одно и то же.

- Хочешь верь, хочешь нет, но мы с ним ни разу не сговаривались.

На самом деле Барби звали Кэн – этим прозвищем выросший среди сестёр Гилберт ещё много лет назад наградила их друга, который играл третьего главного персонажа во всех частях «Холодного горизонта». После первого фильма, где весь сюжет развивался относительно двух главных героев, в остальных частях на первый план вышло некое подобие любовного треугольника. В начале второго фильма героиня Бруклин отправлялась в таинственное путешествие на поиски своего возлюбленного, благородного принца сказочной страны, загадочно пропавшего в первых же сценах. По дороге она встречала персонажа Кэна, наследника престола соседнего государства, скрывающегося от врагов. Их встреча давала толчок целому вороху приключений, которые так или иначе вертелись вокруг этих троих и лишь по касательной раскрывали какие-то государственные перевороты, сказочные линии и второстепенные сюжеты. Бруклин очень любила все книги «Холодного горизонта» и по-прежнему могла читать их, не переставая, но к теме любовного треугольника относилась скептически. Ей казалось, что отношения двух глав-

ных героев настолько верны, что появление персонажа Кэна служит исключительно для того, чтобы, помимо любовного, в книгу могли поместиться и другие сюжеты.

За пять лет Кэн прошел путь от нескладного отличника до нового секс-символа, чья армия фанаток находилась в постоянной войне с армией фанаток Гилберта. Роль королевича в бегах была для него первой главной ролью и первой ролью в кино вообще – Маргарет наткнулась на него случайно, когда приходила к своей подруге, ставившей любительскую постановку в его школе. Кэн был у них в команде младшим и переживал неожиданную славу слегка иначе, чем они с Гилбертом, и проблему будущего тоже воспринимал острее. Проблема подбора проектов была знакома им всем, а Кэну было непросто вдвойне, потому что на этот раз он впервые пытался делать это самостоятельно. Совершеннолетним он стал недавно, и раньше все его контракты заключал отец, который к карьере единственного сына относился крайне серьёзно и курировал все проекты, в которых Кэн принимал участие. Собственно, именно отцовское кураторство сейчас и стало основной проблемой Кэна. Взгляды на то, какую роль считать стоящей, у них с отцом оказались почти противоположными, и принимать решения спокойно Кэну не давали. Он уже сыграл в паре боевиков, про которые отец говорил «многообещающие», а на самом деле ничего из талантов Кэна, кроме умения драться и демонстрировать мускулы, в этих сценариях востребовано не было. Кэну же хотелось и развиваться, как актёру, и наконец добиться возможности принимать собственные решения, и сложность поиска ролей для него осложнялась семейным диктатом. Гилберт и Бруклин его волнения прекрасно понимали – и то, что они могли со всех сторон обсудить эту проблему, как и многое другое, Кэн очень ценил.

Щурясь на вечернее солнце глубоко посаженными глазами, Кэн как будто специально тянул время.

- Поезжай, Барби. Эстакада сейчас в самых пробках, ты застрянешь.

- Да я-то не спешу, - по привычке сделав пару приседаний, отмахнулся он. – Мне как-то непривычно, что вы вдвоём с Бобби останетесь. Обычно вас тут толпа. Ничего, что ты одна?

А ещё Бруклин не любила думать о любовном треугольнике потому, что ей было неловко. С Гилбертом они с самого начала знали, что никакие идеальные отношения, которые они изображали на экране, не смогут помешать их дружбе. А с Кэном в последнее время её не покидало впечатление, что он слишком близко к сердцу принимает роль безответно влюблённого отвергнутого героя.

К тому же было неприятно, что на этот раз он действительно угадал её мысли. Она страшилась того момента, когда все уедут, Бобби заснёт, и она останется в спящем доме совсем одна.

Легко было радоваться и отдыхать, когда ярко светило солнце, а дом был полон близких людей, ради ребёнка всегда создававших настроение веселья. А потом Бобби шёл спать, и у Бруклин оставалась куча свободного времени на себя саму. Редкая роскошь: обычно работа не позволяла тешить себя всеми своими хобби разом. Обязательства и сейчас напоминали о себе, и близость принятия важных решений неприятно маячили на горизонте. Свободные дни нравились Бруклин больше, чем свободные вечера и ночи. Когда она оставалась одна, само собой получалось замечать то, что по-прежнему было всё-таки нужно, но ещё не было достигнуто.

Почитав по памяти очередную любимую книжку, Бруклин подождала, пока Бобби заснёт. Она очень любила, когда он засыпал дома, в своей кровати, обложенной его упорядоченными игрушками. Аккуратистом Бобби однозначно не был, и обычно любое помещение, где он появлялся, тут же оказывалось ровным слоем покрытым его вещами. Но в кровати его игрушки должны были сидеть строго на своих местах, и любые перемены Бобби воспринимал в штыки. Ближе всех к подушке должен был сидеть Винни-Пух, потом толстый, с довольным видом бурундук, говорящий осёл, лишившийся голоса после стирки, и всеобщий любимец - красно-

синий в зеленых цветочках удав, которого они с Гилбертом втихаря наградили прозвищем Психодел.

От ночника по стенам ползали длинные неторопливые тени. Бруклин сидела на ковре с записной книжкой и старалась не смотреть в окно. Было неуютно знать, что сегодня кроме них с Бобби на их большой территории действительно остались только охранники. Ужасно глупо вообще думать об этом – вроде как она давно вышла из того возраста, когда можно оправдать подобные страхи – но вместе с ночью непривычное ощущение пустых домов вокруг добавляло тревожной неустроенности.

Отпуски Нэнни Бруклин вообще-то любила. Выросшая в большой семье, Нэнни всегда с удовольствием ездила к родственникам, и Бруклин почему-то было радостно знать, что её безотказная нянечка хорошо проводит время, и что такое случается всё чаще. Всё Бруклиново детство Нэнни переживала и с трудом отслеживала подростковые заскоки своего единственного сына, которого среди близких она называла не иначе как «Обалдуй». Дэннис был кошмарным сном любой матери: он никогда не хотел учиться, никого не хотел слушать и в целом не очень хотел что-либо делать. В школе он профессионально занимался борьбой, и борьба пригодила ему часто – сколько Бруклин помнила, Нэнни постоянно звонили из участка, куда Дэнниса забирали после драк из школы, бара, спортивной студии, просто улицы, любого места, где он опять что-то с кем-то не поделил. Как ни странно, острых конфликтов у них с Нэнни по этому поводу не возникало. Дэннис искренне любил мать, во всех возможных ситуациях старался доводить до неё как можно меньше волнующей информации и с раннего возраста не сидел на её шее, подрабатывая тренером в полуподпольных студиях. Нэнни, конечно же, все равно переживала, изводилась каждый раз, когда он не приходил домой ночью – хотя он и предупреждал, что задержится – и опасалась, что он никогда не остепенится, видя его прочное неприятие к стабильности, осёдлости и всему, что считается ценностями в обычном обществе. Вечно занятая воспитанием чужих детей, Нэнни с болью свыкалась с тем, что её собственный ребёнок как будто нарочно смеется над всяким воспитанием.

После рождения Бобби Бруклин считала себя должницей Нэнни на веки вечные; ей было приятно, что, хоть и косвенно, но именно благодаря ей Дэннис более-менее наладил свою жизнь. Когда сразу же после премьеры «Холодного горизонта» они с Гилбертом стали чуть ли не самыми известными людьми в Америке, пришлось озаботиться не только конспирацией, но и безопасностью. Быть разорванными на части орущей толпой не хотелось ни Бруклин, ни Гилберту, и личный телохранитель быстро стал для них необходимостью, а не роскошью. Брать незнакомого человека и проверять его способность хранить секреты Бруклин бы никогда не рискнула; даже теперь к Бобби были допущены только те, кто знал о нём с самого начала, потому что по возможности она держала в строжайшем секрете всё, что только можно было скрыть. А Дэннис подошёл как нельзя кстати. Огромный мускулистый тренер по борьбе был идеальным телохранителем, и к тому же он был семьёй – Бруклин с самого начала считала его чем-то вроде старшего брата. Все условия «непыльной» с его точки зрения работы устроили его целиком и полностью, а больше всех была счастлива Нэнни. Сама она постоянно находилась при Бруклин и её ребёнке, и там же служебные обязанности предписывали быть и Дэннису – а значит, она почти всегда была рядом и с непутёвым сыном. Бруклин мало чему радовалась так сильно, как когда Нэнни сказала ей, что с рождением Бобби для неё как будто началась новая, более спокойная жизнь.

Убедившись, что Бобби спит, Бруклин приказала себе прекратить прокрастинировать и пойти заняться делом. Ноутбук таил в себе сотни соблазнов, но она и так уже неприлично задерживала некоторые письма, рабочие и дружеские, на которые точно надо было ответить уже давно. Лето традиционно было горячим временем для киноиндустрии, и было непривычно, что на этот раз она так странно отсиживалась дома. Бруклин старалась сниматься во всех проектах, в которых получалось; чем больше она работала, тем больше получала удовольствие от

своей профессии. Выбирать роли нравилось ей примерно так же, как выбирать подарки для Бобби — у неё была возможность выбрать то, что нравилось больше всего, и это казалось радостью.

А вот принимать решения было пока задачей не из лёгких. Между съёмок разных частей «Холодного горизонта» все они старались играть в других проектах, желательно совсем на «Холодный горизонт» не похожих. Хотелось и отвлечься от привычных персонажей и сменить амплуа, и получить новый опыт для тех времён, когда ажиотаж по нынешней франшизе утихнет, и надо будет идти дальше. Бруклин в первую очередь интересовали какие-нибудь интересные характеры. Ей нравились героини, совсем ни в чём не похожие на неё, нравилось, когда подряд шли две роли, совсем не похожие друг на друга; нравилось собирать о них материал, изучать реалии совсем незнакомых ей жизней. Заинтересовавшись персонажем, она готова была подписаться на фильм почти сразу. Как в математике, которую она горячо любила, небанальные героини казались ей интересными задачами, где дано было только несколько вводных. И как в математике, к каждой такой задаче необычайно увлекательно казалось подбирать наиболее изящное и логичное решение. Но время шло, опыта прибавлялось, и она понимала, что её подход далёк от оптимального.

Некоторые из её фильмов последних лет получились крайне удачными; в основном это были авторские небольшие фильмы, изначально не предназначенные для широкого проката. С коммерческими проектами дела обстояли иначе. Любой её студийный фильм в любом случае перекрывала сейчас гремущая повсюду слава «Холодного горизонта», и неприятно было, когда едва ли видевшие хоть какую-то из её работ заявляли, что «Бруклин Бридж вновь пытается снять с себя маску актрисы одной роли». Бруклин всегда с жаром соглашалась ругать саму себя, и нельзя было не признать, что удачным было не всё, что она делала. Хорошо, если роль была изначально интересная, и её сразу можно было записать в положительный эстетический опыт. А случались и почти провалы, как, например, её последняя работа в фэнтезийной мелодраме. Ради этой роли она несколько месяцев занималась вокалом, изучила кельтский язык, прошла курс исторического костюма и овладела несколькими видами боевых искусств, и на площадке выкладывалась так, что потом много недель не могла восстановиться. И её усилия были отмечены — но получалось, как будто кроме них, в фильме ничего не осталось. Ни тщательно прописанный текст, ни закрученный сюжет, ни звёздный актёрский состав положения не спасали. Кассовые сборы с огромным трудом покрывали затраты на съёмки и огромный маркетинговый бюджет. После очередных подсчетов сборов стало окончательно ясно, что, если бы не многочисленные поклонники «Холодного горизонта», фильм бы почти провалился в прокате.

Обжёгшись на молоке, Бруклин старалась теперь более комплексно выбирать проекты. Стала всерьёз изучать все механизмы кинобизнеса, увлеклась теорией и мастер-классами. И чем больше она знала, тем больше ей казалось, что теперь ей ни за что, ни за что не принять верных решений.

Гилберт говорил ей, что она не может увидеть своих достоинств, и без усталости утверждал, что ей пора изжить детский комплекс, будто она ничего не может, и научиться доверять самой себе.

Она в ответ говорила ему, что ей странно слышать подобное от человека, который при всех своих талантах только и делает, что ругает сам себя невиданными умными словами.

Гилберт вообще с трудом воспринимал себя всерьёз как актёра, и чем больше его хвалили, тем, казалось, меньше он доверял похвалам в свой адрес. Пять лет назад он прилетел на кастинг «просто попробовать», и так почему-то и считал до сих пор, что он случайно задержался, несмотря на всё прибывающие награды и регалии. Все новые фильмы со своим участием они по сложившейся традиции смотрели вместе, и выходило, что они постоянно хвалили друг друга и самозабвенно ругали самих себя.

Правда, Гилберту хотелось верить. Не потому, что он приводил какие-то особо веские аргументы, и не потому, что он был сильным авторитетом в этой области. Но Гилберт умел распознавать хорошее от плохого с очень маленькой погрешностью. Это получалось у него само собой. «Смотри, как завалили диалог», бубнил он во время просмотра фильма. «Всё шло неплохо, пока они не решили выдумать типа необычный финал, банальней которого только сюжетные ходы моего романа». «Этот актёр будет гениален даже в роли мусорного бака, а режиссёр вообще — снять такой фильм и умереть». «На месте этого сценариста я бы уже повесился из-за собственной убогости, сваяв верёвку из собственных черновиков».

Убогости Гилберт опасался как огня, и этот страх помогал ему. И его выбор ролей подтверждал наличие у него чутья. Как и она, Гилберт использовал простые междоусобицы «Холодного горизонта» для других проектов, но вот у него все выстрелы попадали в цель. В первую очередь он выбирал режиссёров, во вторую очередь – сценарии, и особые отношения, которые были у Гилберта с любым написанным текстом, позволяли ему не знать промахов. Даже злые языки, которые сразу ставили крест на подростковых кумирах из унылой сказочки, давно уже признали: Гилберт имеет все шансы стать большим актёром. А когда он стал принимать участие не только как актёр, но и как сценарист, его почва стала ещё прочнее. Его написанный совместно с приятелем-продюсером сценарий сразу же был отмечен и зрителями, и критиками. А когда на Каннский фестиваль прошёл фильм трижды оскароносного Джеймса Картера, который сначала взял Гилберта на ведущую роль, а потом поставил в соавторы, скептиков сильно поубавилось.

Бруклин читала многие его тексты и сейчас уже вообще была убеждена, что каждая фраза, которую пишет Гилберт, достойна какой-нибудь награды.

«От удивления тонкие брови Илайджи взлетели высоко к голове».

Телефон беззвучно провибрировал сообщением, и Бруклин охотно отвлеклась от тяготящих раздумий. В Европе было раннее утро, а ранним утром Гилберт мог быть только в очередном самолёте и только в отвратительном настроении.

Сообщение выглядело загадочным.

- Если у тебя там бред, то зови врача. Хочешь, я сама напишу твоему менеджеру, что у тебя болит.

- Душа у меня болит, Брукс! Я редактировал этот кусок бесконечное число раз, и всё это время его брови взлетали к голове! Где они были до взлёта, мне страшно представить? И концентрация в ключевой сцене у меня, как у первоклассника. Если я сделаю харакири от бездарности, ты будешь моим Максом Бродом, Брукс? Завещаю тебе свои тетради. Обещай, что уничтожишь мой комп и развеешь его пепел по ветру.

Быстро сбежав в гугл, Бруклин спорила с Гилбертом по поводу его литературного таланта до тех пор, пока его самолёт не вырулил на взлётно-посадочную полосу. Они обычно связывались в это время и пытались вправить мозги друг другу, и если Гилберт потом так и продолжал ворчать, то Бруклин эти переписки приводили в на редкость умиротворённое настроение. Разговоры с ним даже на расстоянии были приятным напоминанием, что, пусть ей до сих пор ещё очень далеко до исполнения многих желаний, какие-то её мечты по крайней мере уже сбылись. И пусть с карьерой и жизнью всё до сих пор было не очень ясно, но пока Гилберт ежедневно ныл ей в телефон про свою бездарность, в мире была хоть какая-то стабильность.

Глава 8. "Увидимся скоро". Часть 2

Когда Бруклин было четырнадцать лет, они с матерью заключили пари: если после десяти кастингов она получит хоть одну роль, ей будет разрешено попробовать себя в материнской профессии. Отношения с матерью у неё не сложились сразу. Сколько Бруклин помнила себя, мать всегда смотрела на неё как на собственную ошибку, постоянно указывая исключительно на недостатки. Бруклин всегда старалась всячески привлечь её внимание, демонстрировала свои нехитрые детские достижения и постоянно просила уделить ей время, но чем старше она становилась, тем реже мать прислушивалась к её просьбам. В детстве от этого было обидно и очень грустно, тем более что мама всегда так нравилась ей и казалась во всех отношениях замечательной. Бруклин с детского сада старалась копировать её манеру одеваться, разговаривать, подсматривала с площадки лестницы за тем, как она принимает гостей, учит роль или говорит по телефону; всегда с гордостью рассказывала всем новым знакомым, что её мама – актриса и снимается в кино. Потом, когда она выросла, столь открытое постоянное недовольство стало злить её, и попытки обратить на себя внимание превратились в бунт со всеми признаками подросткового возраста. Скандалы стали для них обычным делом – собственно, Бруклин вообще не помнила, чтобы они как-то общались, когда не кричали друг на друга. Любое её проявление мать воспринимала в штыки; Бруклин не ушла из дома потому, что они заключили договор, гласящий, что все деньги, которые мать тратила на её содержание до совершеннолетия, Бруклин возместит ей в старости, оплачивая элитный дом престарелых. Это был только один из многих их уговоров, которые они позаклучали за несколько лет, стремясь доказать, что ничего друг другу не должны.

Бруклин повезло на восьмом по счёту кастинге. Ей досталась небольшая роль в фильме про одиноких женщин. Сейчас, сыграв более двух десятков ролей, она до сих пор боялась узнать, что тогда её взяли только потому, что за неё просила одна из самых уважаемых актрис современности Аврора Миллер.

После того раза, Бруклин знала, все свои роли она получала сама. Всё происходило постепенно: с маленьких появлений на экране она перешла на полноценных персонажей с большим количеством текста, в шестнадцать лет сыграла свою первую главную партию. Фильм режиссировала Маргарет; так они и познакомились. Можно было сказать, что Маргарет и стала её первой подругой, насколько могут быть друзьями шестнадцатилетняя бунтарка и сорокалетняя хиппи. После съёмок, по своей традиции, Маргарет часто приглашала Бруклин к себе домой, и та на удивление на месте чувствовала себя в компаниях взрослых актрис, режиссёров и продюсеров, которые всегда собирались у Маргарет на субботние коктейли. То и дело они перезванивались обсудить новые проекты или просто новости; Маргарет постоянно подкидывала Бруклин новые сценарии, а ещё без усталости повторяла, что когда-нибудь они обязательно должны снять шедевр. Бруклин смеялась – одержимость одинокой женщины работой тогда казалась ей смешной. «Маргарет, найди себе наконец мужа – может, тогда ты перестанешь фонтанировать своими бесконечными идеями», - говорила она беззлобно, и Маргарет не обижалась, потому что Бруклин вообще часто говорила недобрые глупости, а ей хватало ума и такта, чтобы не обращать на них внимания.

В восемнадцать лет Бруклин закончила школу и набрала себе проектов на три года вперед. Её радовало, что поток кастингов не иссякает, что её имя стало известно в определенных кругах, а больше всего – что многие удивляются, когда узнают о её родстве с именитой актрисой. Совершеннолетие было для Бруклин долгожданной датой; ей казалось, что, стоит матери юридически потерять над нею власть, как ей наконец-то начнет везти. Даже доказательства того, что она вовсе не такая гадкая, как всю жизнь внушалось ей дома, казалось, не заставили себя ждать.

А в день своего девятнадцатилетия Бруклин окончательно поняла, что беременна. Она только что приехала на съёмочную площадку очередного фильма из своего большого списка, ей полагалось быть юной, радостной и лёгкой, ступающей на увлекательную дорогу новой интересной жизни. На деле она провела свой очередной день рождения взаперти, в чужом гостиничном номере с задёрнутыми шторами, через силу делая радостный голос по телефону и в ужасе понимая, что новая жизнь, о которой, как сговорившись, твердили ей все поздравлявшие, должна быть перечёркнута, не начавшись. Новых жизней теперь было две, и каким-то образом она несла ответственность за обе. Для того, чтобы среди неизвестности и мутных сомнений появилась хоть какая-то ясность, на одной из этих жизней нужно было поставить крест.

Бруклин решила не сразу; она часто тянула с важными решениями. Зато, когда пришла наконец пора определяться, время сыграло в её пользу. Как была на руку и её ненависть к себе, которой за все годы проблемного детства накопилось столько, что даже вечное недовольство на мамином лице не могло выбесить её сильнее, чем собственное отражение в зеркале. Иногда она ненавидела себя так сильно, что удивлялась, почему молния с небес не поразит её среди бела дня, хотя бы вот за все саморазрушительные глупости, что она творила. Потом всё стало ясно – беременность и была той молнией. И была той карой, которую она должна была понести в наказание за все неправильные решения, которые приняла.

Эта ненависть и приняла за неё важное решение, её жгучая ненависть к самой себе, которая только усилилась с осознанием, насколько велико будет её наказание за собственные ошибки. Попробовать избежать кары значило всего лишь отсрочить её – если она увернется от молнии, значит, её поразит гром, рассудила Бруклин, и не лучше ли смириться с наказанием уже существующим, чем гадать, когда и чем судьба нагонит своё. Это был крест, который она должна будет нести всю оставшуюся жизнь, и такая определенность была даже приятна. Самое страшное, думала Бруклин, с нею уже случилось. Теперь можно было не бояться расплаты – нужно было учиться с нею существовать. Хороший план на жизнь после девятнадцати лет.

Сейчас она радовалась, что её куценького умишки обиженной бунтарки тогда по крайней мере хватило, чтобы понять, что в одиночку ей ни за что не справиться. Осознав, что скоро ответ перед целым миром придётся держать не только за себя, Бруклин принялась искать помощников. И помощники нашлись, как ни удивительным казалось то, что кто-то искренне желает принимать участие в её наказании. Идти за помощью к матери казалось безумием; больше всего Бруклин надеялась, что ей никогда не придётся этого делать, и поставила её в известность, когда всё уже было решено. Старший брат, студент медицинского колледжа в Лондоне, с неожиданной лёгкостью помог ей уладить врачебные дела. На то, что Нэнни, которая только приживалась в другой семье, не осудит, а согласится помочь, Бруклин уповала, как на чудо – и чудо случилось, только первое чудо из тех, которые неожиданно превращали из трудной в счастливую её жизнь.

Вторым чудом была Маргарет, возникшая как всегда неожиданно. «Я нашла для тебя роль, от которой ты не сможешь отказаться, - сообщила она своим обычным взволнованным тоном, когда, как всегда, с опозданием, позвонила поздравить Бруклин с днём рождения. Дотошная в работе, в жизни она была ужасно рассеянной. Маргарет могла перепутать месяц, в котором живёт, уже не говоря о днях недели или каких-то датах. То, что она позвонила Бруклин с поздравлением всего лишь через неделю, говорило о её исключительном отношении. «Я уже всё продумала. Я отправила тебе сценарий экспресс-почтой; через несколько недель приступаем».

Бруклин тогда была изнурена постоянным недомоганием, убеждавшим её в собственной ничтожности – и была уверена, что ни одна роль на свете больше ей не грозит. Она уже даже всё просчитала, как придётся поступить в связи с новыми вводными. Первый год можно жить, тратя собственные накопления, благо она наснималась уже в достаточном количестве фильмов.

На совершеннолетие отец подарил им с братом по небольшой квартире в городе, и подарок придётся ей весьма кстати. Через год придётся пойти в колледж – все факультеты казались ей одинаково отвратительны, поэтому со специальностью можно будет определиться ближе к делу. Какая разница, будет ли её работа связана с экономикой, юриспруденцией или историей искусств, она все равно не будет её любить, так не все ли равно. Как раз к концу её учёбы накопления кончатся, и она пойдет зарабатывать деньги, чтобы им с ребёнком на всё хватало. В конце концов, на себя у неё будет отпуск, а субботы с воскресеньями регулярно наступают для всех узников офисов, к которым причислится и она сама. Интересные роли? Новые сценарии? Ненормированный рабочий день и непостоянный доход молодой актрисы? Она уже пожила в этом мире; она могла бы задержаться в нём, но увы – молния поразила её раньше. Всё в её жизни было уже снято; всем спасибо, все были свободны. Не получилось.

Конверт все же пришел к ней экспресс-почтой, как назло осуществившей доставку в срок. Не хотелось обижать Маргарет, которая неминуемо захочет обсудить с нею этот сценарий, поэтому Бруклин прочитала его. Неожиданно он оказался коротким; герои в нём были немногословны. Роман, по которому он был написан, уместился в небольшой аккуратной книжечке с крупным шрифтом и большими полями.

И это было ещё одно чудо: то, что от этого текста становилось так хорошо. Простая, ничем не примечательная история; она и сама не понимала, как ей, злой, разочарованной и нелюбимой, мог понравиться этот девчачий, нарочито чистый счастливый текст. Но взяв его в руки, она так и не смогла расстаться с ним. Сам по себе этот роман словно был чем-то хорошим, что не отпускало, что сулило ей радость и утешение; в нём было всё, чего ей хотелось и не хватало.

Бруклин не плакала так с того дня, когда мама не приехала на её десятый день рождения. Лёжа в темноте, она репетировала и каждый раз заново оплакивала свой отказ. Маргарет не звонила несколько дней; приходилось вздрагивать от каждого телефонного звонка. Может быть, она забыла, без надежды думала Бруклин. Может быть, нашла кого-нибудь ещё, кого сочла лучше. Может быть, вообще переключила свое внимание на какой-нибудь другой проект, и пора давно уже выбросить эту книжку, лежащую под подушкой, и перестать представлять себя героиней, у которой было всё, чего у неё не было и быть не могло.

«Имей в виду, я не приму у тебя отрицательного ответа!» – безапелляционно заявила ей Маргарет, когда наконец позвонила – в субботу, в восемь утра, будучи уверенной, что на дворе пятница. И даже когда Бруклин назвала причину своего отказа, Маргарет всё равно не приняла его.

Тогда она казалась волшебницей; узнав обо всём, она не только не пришла в ужас, а обрадовалась. Прошло всего несколько дней, а у неё уже было все решено. Она знала, где Бруклин будет жить, какие сцены можно будет снимать до, а какие после родов, как организовать съёмочный процесс, на кого из группы можно будет положиться и почему на это согласятся все продюсеры. Маргарет взяла над Бруклин опеку властно и в одночасье; то, что рядом с ней можно было почти не думать, доверившись её кипучей деятельности, было облегчением, казавшимся чудесной передышкой. Наказание ещё только грозило, только начиналось. Было необъяснимо приятно, когда кто-то пусть и на время добровольно брал на себя часть груза, который ей столько времени предстояло нести одной.

Гилберт появился уже в этом мире, в мире «Холодного горизонта», в котором они с Маргарет старались жить, и тоже словно вышел из этой книжки. Вписался в свою роль, как будто она была написана специально для него, и вписался в их план, как будто изначально был его частью. Маргарет нашла его, когда все остальные актёры уже были утверждены. Бруклин зараннее боялась своего партнёра; этот человек казался ей помехой, ненужным дополнением к столь хрупкому и со всех сторон сомнительному плану. Его ещё не было, а она уже тяготилась, что с ним придётся объясняться, казаться доброжелательной, рассказывать ему о себе, избегать

неловких пауз и к тому же вечно опасаться, не предаст ли он, не подведёт ли... Но довериться Гилберту оказалось очень просто. Он всегда вёл себя с людьми так, как будто пытался рассмотреть их под микроскопом, и понимал всё ещё до того, как ему начинали объяснять. Он чётко знал, чего хочет, а ещё лучше знал, чего не хочет, и то, как Бруклин было легко с ним, тоже казалось отголоском истории, которую они играли. А то, что было связано с миром «Холодного горизонта», не могло закончиться плохо.

А самым большим чудом стал, конечно, Бобби. Несомненно, её самым первым и самым последним чудом – потому что ничего похожего на него никогда не было, и ничего похожего на него уже никогда не случится. До его появления Бруклин думала, что ничего в жизни ей уже не удивительно, и ничего уже не может быть страшно. Думала, что хорошо подготовлена ко всему, а благодаря нескольким неожиданным помощникам вполне сможет осуществить хорошо продуманный план. Думала много всяких глупостей, которые исчезли сразу же, как только ей стало ясно, почему с нею происходило то, что происходило.

Конечно же, всё изменилось, когда Бобби родился. Маленькое беззащитное существо, принадлежащее ей одной и полностью зависящее от того, как она вела себя. Бруклин казалось, что она сходит с ума от того, насколько реальность не походила на её ожидания. Она воспринимала растущего внутри неё ребенка как крест, который ей придется нести всю жизнь в наказание за свои ошибки. Смирившись с его существованием, она готовилась к пожизненной борьбе в знак того, что поставила всё на мелкую карту.

Вместо наказания её ждала самая большая радость, которую она могла себе представить. Самая сильная любовь, которую можно было почувствовать. Самый большой страх, которого можно было бояться. Небеса не спешили покарать её – неизвестно за что, они подарили ей самый большой, самый лучший на свете подарок. Страх потерять его, страх причинить ему вред, страх оказаться недостаточно хорошей и не смочь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.